

Андрей Vilesik

Записки из дурдома

С иллюстрациями автора

Вместо предисловия

Вязки держат крепко. Не вырвешься.

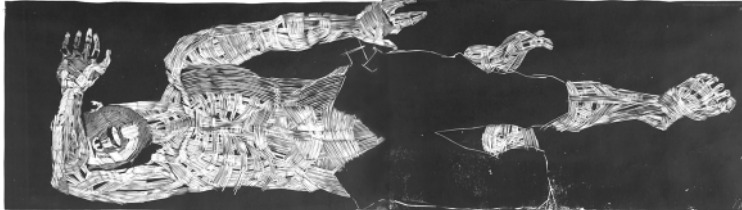
Когда санитары вяжут по рукам и ногам — чувствуешь себя святым мучеником. Это не значит, что у тебя внутри фанатичная уверенность, мол, страдаешь за истинную веру, нет, скорее чувство ужасной несправедливости. Могу допустить, что для мученика — это не true. Просто я себе так представляю. На вязках, как никогда раньше, понимаешь, что мир несправедлив, а люди жестоки. Есть ещё один схожий момент. Распятие моё на кровати напоминает букву «X», дохристианский крест, и руки привязаны, хотя в другом положении, а не прибиты.

Койка расположена таким образом, что в поле зрения попадает окно. Я наблюдаю закатное небо, множество кричащих оттенков красного как на самой известной картине Мунка, но не только этого норвежского экспрессиониста, цвета созвучны палитре многих художников — Ван Гога, Нольде, Дикса.

Взглянуть сквозь решётки на закатное небо — всё равно, что шагнуть в изначальность...

Андрей Vilesik

Распятие

И вдруг мне удаётся вырвать правую руку, петля из простыни сорвана, я моментально переключаюсь освобождать другую, левую. «Смотри-ка, выкрутился», — усмехается один из окружающих меня людей, мужик лет сорока пяти. Подходит, хватает обеими лапами мою свободную руку, я пытаюсь прижать её к груди, но сопротивляться не получается. Мужик накидывает петлю, привязывает руку обратно. Потом берёт простыню, перекидывает её через меня и делает узел уже под кроватью. Уходя, хрипит себе под нос, мол, теперь не вывернется.

Перед глазами окно больничной палаты и та самая изначальность, о которой я недоговорил...

Записки из дурдома

С 4 до 7...

И опять всего ломает
Идти на электричку
На семь одиннадцать утра-а-а.
(Смех)

Всё началось с моего поступления на художественно-графический факультет.

Я был уверен, что поступлю, хотел поступить и сделал для этого всё возможное и невозможное. Наверное, хотел «на пуговицу» больше, чем остальные. Ещё зимой записался на подготовительные курсы. Они начинались в 10 утра.

Институт находился в другом городе, приходилось ездить на курсы на электричке. Путешествие не из приятных. Вторая электричка из моего города приезжала в 11 часов. И чтобы не опоздать, мы с матерью ездили на первой, которая уходила в 4 утра и добиралась до места в 7. Обычно в это время пускают самый говённый электрон. Стёкла в некоторых вагонах выбиты, на деревянных скамейках лежит снег, гуляет ветер, а температура такая же, как на улице — иногда под минус 30 С. Пассажиры — бомжи и чёрт знает кто ещё. Пол грязный, утопан ногами. В одну из таких «вылазок» бомж, спавший скамейки через две от нас,

Андрей Vilesik

опорожнился прямо под себя. Вот уж действительно асоциальный элемент. А ещё говорят, что такие, как я, асоциальные.

Курсы пошли мне в зачёт. Я занял 1-е место по конкурсу. Потом летние курсы, двухнедельные. Познакомился с отличным челом, соседом по комнате. Антоха Укроп, он же Крапоткин. У парня в голове всякая ерунда, вроде девушек из другой комнаты, пирсинга, да говнорэпа.

Днём ходим вместе на ХГФ. Вечером листаю учебник по истории России за 10-й класс. Перечитываю.

Приходила деваха, пыталась со мной подружиться телами. Беседовали и договорились до того, что назвал её дурой. Справедливо, хотя зря, надо было всё-таки её трахнуть, но ведь насчёт «дуры» я не соврал... Единственный минус летних курсов — это еда. Жрём только лапшу быстрого приготовления, запиваем газировкой, или чаще кипятивником греем воду в литровой банке и завариваем чай. И это после домашних-то пирожков...

Из экзаменов мне под конец оставалось сдать только живопись и собеседование. Пришёл на живопись утром. Навалял часа за 2. Получил пятак.

Записки из дурдома

Хорошо! Остальное время тусил один, бродил по городу в районе «драма», это, типа, культурная ценность второго по величине города Свердловской области. Затем собеседование. Жду своей очереди, а очередь всё никак не приходит. В коридоре воняет нитрокраской, начинает тошнить и голова кружится. Да я ещё и всю ночь перед экзаменом не спал, волнение сказывалось. Под конец не выдержал. Залетел в кабинет без очереди, перед какой-то девушкой, на ходу подметил, что она ничего так, но извиняться не было времени. В комиссии декан, строгая тётка передовых взглядов, завкафедры рисунка, очкарик с аккуратно причёсанной чёлкой. Вываливаю на стол все свои дипломы, грамоты, свои публикации в газете и прочую шелуху. На главный и последний вопрос «общительный ли я?» отвечаю что, мол, общительный. У моего ответа, как у монеты, оказалось две стороны. С одной, положительной, получил хороший бал, со второй, отрицательной — должность старосты группы. Лучше б я не говорил, что общительный, ей богу. Моя будущая группа состояла из одних баб, и в этом не было ничего хорошего, но в тот момент я этого не знал. И потом, а вдруг бы не приняли? Выбора у меня не было, вот что плохо.

Андрей Vilesik

По пути на вокзал я смачно облевал территорию разрушенного женского монастыря. Во всём виновата краска, которой провонял весь институт, обнюхался как ёжик в тумане. Ремонт, ничего не поделаешь. В электроне пригрелся и спал всю дорогу, все 3 часа. И ведь ещё до конца не осознавал, что принят, что больше меня баллов набрали только медалисты. Пофиг на баллы. Главное — я прошёл...

Остатки жаркого лета 2002-го провёл бесцельно, отдыхал. В честь моего удачного поступления родители организовали нам с братом поездку в Санкт-Петербург. Я тогда впервые побывал в северной столице.

Питер — хороший город! В нём много музеев, да и не только их, но это понятно и без моих объяснений. Одна знакомая утверждает, что даже гопники там не такие, как везде, а другой знакомый утверждает, что гопники в Питере такие же, как везде, только их там больше! Чему верить? Где правда?

Мы бродили по городу. Спали у родственников. На полу в спальниках. Нельзя сказать, что я был сильно впечатлён СПб. Нет. Как у любого города, у него есть минусы и плюсы...

Записки из дурдома

Общага

Дело было ближе к сентябрю 2002-го, когда я приехал на заселение в общагу нашего педа. Мы договорились с челом из моего города и решили жить вместе, в «двушке». Получили ключи от комнаты у коменданта — толстой бабки, на которой всё это хозяйство по сей день держится. (Кстати, дом и работа — всё у неё в этой общаге). Потараканились в комнату. Пятый этаж. Самый угол правого крыла. Дверь на «соплях», открыли её и вошли в блок. В блоке срач.

На полу грязные ботинки и просто грязно. В «трёшке» сидел на кровати, рисовал наш будущий сосед Лёха. На просьбу родителей моего товарища Андрюхи Дробышева не обижать нас Лёха сказал, что не будет и своё обещание впоследствии сдержал. В сортире мы наткнулись на огромный пакет мусора, над которым летал рой мошек. Это мне показалось весело. Весело было всегда, я не ошибся. Вечером Лёха зашёл к нам в комнату и предложил пить пиво. Бухали весь вечер. Потом подтягивался народ, много незнакомых людей, старшекурсников. Во время пьянки обычно так было всегда. Потом навестили чела, с которым я жил на абитуре, он обрадовался нашему приходу.

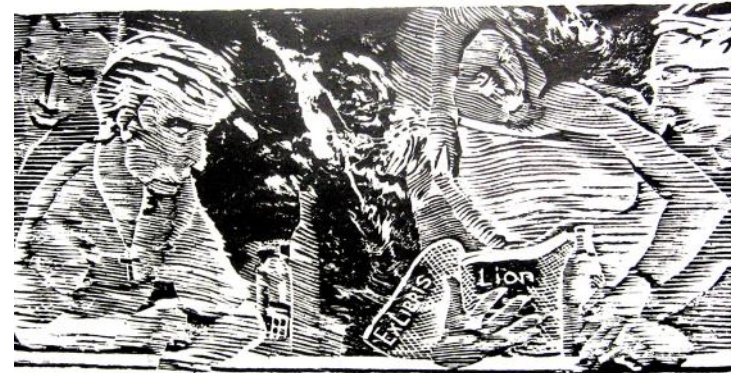
Андрей Vilesik

Поселили его этажом ниже. Он ещё не знал своих соседей и поэтому сильно и небезосновательно волновался. Говорил, что лучше бы поселили с нами. Потом оказалось, что не лучше. Антоха, он и был тем челом, сам не понимал, что вытянул счастливый билет.

Пара слов о нашей комнате. Шкафы и оконные рамы в ней были выкрашены в чёрный цвет. Лёха объяснил, что до нас в ней жили какие-то сатанисты. Живо так, в красках, рассказал, что у этих ребят в углу висел паук и он, сзука, цитирую: «Капал». Как это было на самом деле, хз... Из мебели две панцирные кровати и стол. Многие студенты составляли кровати друг на друга, чтобы освободить место...

Вечером прискакали с нами знакомиться две симпатичные, но глуповатые и попсовые девахи (подруги той, которую я на курсах назвал дурой)... Надя и Оля. Постоянно держались вместе и поначалу напоминали двух лесбиянок. Мне нравилась Надя. Она, несмотря на все свои понты, была красивой и независимой, а я всегда был подкаблучником, поэтому меня всё устраивало. Но я был мал, никогда не спал с женщинами и походил внешне на дурачка. Короче, не вариант для интимного общения. Посвящал ей стихи, делал за-

Записки из дурдома

Пьянка

Андрей Vilesik

писи в дневнике, когда она приходила. Это был позитив для меня. Я радовался ей, как маленький мальчик... и не понимал, чего хочу от неё. Она же точно знала, что нужно ей. Понял это гораздо позже. Ей просто нужен был мужик, взрослый и надёжный, настойчивый, короче, такой, с которым можно создать крепкую семью. У нас не было и не могло быть на тот момент ничего общего, но я-то этого не знал... Я просто любил, как любят в первый раз, а в первый раз любят чисто и беззаветно.

Гопники

Днём позже мы с Андрюхой уже вовсю шараялись по общаге. Знакомились с остальными студентами, которые были людьми положительными, но, в большинстве своём, полными мудаками. Однажды утром мы с соседом надолго вышли из общаги, а когда вернулись, первое, что обнаружили, двоих здоровых гопников Мишу Квартникова и Артёма Кириллова. Сидели они рядом с вахтой со своими дорожными баулами и тупо одуплялись на нас. Это были наши будущие соседи. За бухалово их не хотели поначалу заселять в общагу, но, как сказал кто-то, «наглость — второе сча-

12

Записки из дурдома

стье». Они переночевали ночку у Антохи Укропа, уломали его как-то. Бедняга так перепугался, что принёс нам на сохранение свои продукты, наверно, чтобы быдланы не покусились. На следующее утро быки уговорили коменданта заселить их. Я искренне презирал в душе Мишу и Артёма. Бабка заселила их нам на беду, и хапнули мы от них горя по самую маковку. Сказать им в глаза, что они мне глубоко ненавистны, я не мог — боялся огрести. Не за что было их любить. Они относились к нам с Андрюхой как к говну, засылали за пивчагой день через день, подначивали по любому поводу, а если бухали, то вели свои говёные блатные разговоры. Короче говоря, были абсолютные, феерические мудаки. Если судьба распорядится так, что кто-то из них или их друзей и знакомых прочтёт эти строки, то, пользуясь случаем, я хотел бы написать всем им без исключения то, чего не мог сказать лично. Идите на Х...й! И от этих слов мне, воистину, легче! За что я ненавижу их? Не будь их — не было бы той гнетущей атмосферы в нашем крыле общаги, не было многого из того, что произошло потом, наконец, не было бы дурдома и этой книги. Я не к тому, что книги не должно было быть, всё вышло, как вышло, но принять как есть, значит для меня, признать, что я был в этой общаге

13

Андрей Vilesik

последним муذاком, лохом, что был слаб, чтобы дать отпор. Как себя изначально поставишь — так и будет, говорил мне как-то один мой знакомый KedaKid. Миша и Артём заселились в комнату напротив нашей. О них я ещё упомяну в дальнейшем...

PunksNotDead!!!

Где-то через месяц нашей учёбы приехал из города Н. ещё один наш сосед по блоку, Женя. Крутой чел. К тому времени учился, если это можно назвать учёбой, курсе на четвёртом и вёл себя, как армейский дедушка, в хорошем смысле этого слова, как старший. Женя зашёл к нам в комнату и предложил пить пиво. За пивом мы сходили. Остаток вечера сидели вчетвером — Лёха, Женя, Андрюха, я и пили пиво. Надо заметить, что именно этот человек внёс разнообразие в наши тёмные деревенские головы, стал для нас кем-то вроде гуру, только без всякой наносной мистической фигни. Он сделал это вполне мирным путём. Пиво с ним (Лёха в основном отсутствовал впоследствии в общежитии) мы пили регулярно. Так

14

Записки из дурдома

Гопники

15

Андрей Vilesik

вот, во время очередного бухича Жека спросил, что мы слушаем. Крутили мы с Д. мои кассеты, из которых в основном преобладал Modern Talking и Eminem. Модеру я любил всегда, а Эминем был на пике популярности как раз, «мода для этих, мода для тех», как у Кача. Включили... Женя задумался.. потом на минуту вышел в свою комнату и принёс самописные кассеты, которые цифровал с дисков у себя в городе.

— Вот, послушайте!— сказал он.

— Что за музыка?— спросил я.

— Король и Шут, Кукрыниксы... Пилот!

Это было совершенно новое, я слышал раньше о КиШе, но считал, что это не моё. Я знал, что есть такая группа, как Пурген, но был уверен, что это говно, даже по названию. И уж тем более не имел понятия ни о Кукрыниксах, ни о Пилоте...С первого раза не зацепило. Но мы вслушивались в тексты песен несколько раз... и это было откровение, которого мы не знали раньше, которое могло прийти только здесь и сейчас, в общаге... которое не было доступно в детстве и к чему мы были готовы... Со временем тексты запоминались на слух, так же на слух я подбирал аккорды к ним, ни о каких песенниках речь тогда, конечно,

Записки из дурдома

не шла, и играл... В этих текстах я слышал отголоски нашей общаговской жизни... особенно цеплял Пилот...

«Не давай им хлеба из рук, не учи их быть сильнее тебя...С или «По снегу белому за пивом, когда я шёл и песню пел... и было страшно...»

* * *

В общаге №1, как и в любой другой, было нескучно. Поколение NEXT выбирало б...ядство и алкоголь, но в тот период мне это не сильно мешало. Мешало только быдло из комнаты №502 в лице Миши и Артёма... они обжились быстро и сразу навестили нас с Андрюхой. Короче, после непродолжительной беседы отправились мы за пивом...

Гонять за пивчагой до двенадцати — до закрытия общаги — было не сложно. Проблемы обычно возникали после полуночи, когда пиво заканчивалось. До «зелёнки», киоска с бухлом, окрашенного в вечно зелёный цвет, было минут пять ходьбы!.. Не помню, когда точно, но вроде во втором семестре первого курса... Дверь наша распахнулась во втором часу ночи, за ней стоял бухой Миша.

— Парни, пошли пиво пить!— улыбнулся гопник.

Андрей Vilesik

Мы пытались отпереться, что уже поздно и общага закрыта, но не проканалю! Через две минуты в нашей комнате уже сидел Артём и своими до дури огромными руками, а он крепкий малый, связывал наши пододеяльники... Возможно, кто-то в данный момент улыбнётся... Да, пожалуй, и тогда это казалось весело! В общаге мы ко всему относились с юмором, особенно Андрюха Дробышев.

Нас было пятеро... Женя, Миша, Артём, Андрюха и я! Без палева и шума спустились на третий этаж. Вышли на балкон... Первым номером по решёткам балкона второго этажа слез бухой Миша, показывая нам пример мастерства и героизма. Когда оказался на уровне второго этажа, он просто тупо спрыгнул вниз и вывихнул ногу... короче, почти удачно. Нас, как более лёгких, с той же высоты Артём спустил поочерёдно на верёвке из пододеяльников. Когда спускали меня, ткань предательски захрустела и начала рваться... пододеяльнику пришел конец! Артём показал с балкона, что всё в порядке. Шёл дождь. Погода была нам на руку... в дождь около зелёнки не должно быть местных с частного сектора — это нам, улыбаясь, сообщил Миша. Местных действительно не было. Мы затарились по уши. Сумки с пивчагой под-

Записки из дурдома

няли на простынях. Дальше дело за малым — забраться в общагу самим... Мы обошли корпус... на уровне второго этажа рядом с вахтой был балкон с широкими решётками, через них и слон пролезет. Первым пошёл и запалил всех остальных Миша. Он запрыгнул на сточную трубу, торчащую из стены, потом на решётку. Решётка загромычала, а Квартников пролез в неё и упал с той стороны балкона... Потом побежал Андрюха, когда он миновал решётку, на вахте загорелся свет... Артём с балкона дал мне отмашку, не бежать. Я метнулся и спрятался за углом корпуса. Одна настойчивая мысль посетила мою голову в тот момент, что ночевать мне предстоит на улице. Дождь колотил по лужам, усиливаясь с каждой минутой. Ожидание, которое показалось мне вечностью. Через полчаса с пятого этажа раздался голос Артёма, чтоб я заходил. Кавабунга, ёпти! Разбежался, запрыгнул на водосток, труба мокрая, но я удержался, второй прыжок на решётку балкона второго этажа, подтянулся на прутьях и пролез внутрь. Стараясь не хлопать балконной дверью, вошёл в рекреацию, передо мной стояла вахтёр, погоняло Дрозд (за удивительное сходство с этой птицей)... сказала что-то типа того, мол, по балконам ползаем... Я положительно кивнул. Она развернулась и ушла,

Андрей Vilesik

дав ясно понять, что ей на это пофиг! Я поднялся на пятый этаж. Соседи бухали... Сел за стол, выпил пива. Артём сказал: «Не грузись! Я вот не грузюсь!»

Женя повернулся на подоконнике, потом выкинул бутылку в окно, улыбнулся и сказал, обращаясь к нам с Андрюхой : «Значит, вы не ниндзи!»

Начиная с первых дней моей учёбы на ХГФ, я вел дневник... хотя трудно назвать это дневником! Правильнее сказать, что я вёл записки в блокнотах, делал зарисовки... Когда меня закрыли в дурку, эти почеркушки показывали моей врачихе... видел краем глаза и, конечно, запомнил, наверно, потому что мне это не понравилось... При всей своей убогости, они интересны и важны для меня... ведь в них я по свежим следам записывал те мелочи, которые теперь вспоминаю с трудом... мелочи, из которых складывалась моя тогдашняя жизнь...

... Наша учёба на факультете занимала меня куда больше, чем синяя яма нашего третьего общежития... Будучи старостой группы, состоящей из одних метёлок, я ощущал себя козлом отпу-

Записки из дурдома

щения... поскольку к руководящей работе был не готов вовсе!.. Проще говоря, учиться любил, а должность свою со всеми её обязанностями слал куда подальше. Вникал в то, что говорили преподавы... стремясь почерпнуть как можно больше! Моих знаний, приобретенных в детской художественной школе, оказалось маловато. Чем больше я пребывал на факультете, тем больше меня бесила моя беспомощность... ведь при своём упорстве, а упирался я больше учаговских, я всё равно отставал... Наверстать, был единственный вариант для меня чего-то добиться, а для этого я должен был прыгнуть выше головы, т.е. работать больше остальных... И я увеличивал нагрузку постоянно... Помимо постановок рисовал в общежитии... и то, что я делал там, зачастую, было лучше постановочного, но, в общем и целом, рисовать я всё равно не умел. Отсюда нестабильность... Хотелось найти такую область знаний в творчестве, где я мог бы чувствовать себя более-менее свободно, где смог бы развить свой художественный язык!..

Андрей Vilesik

Надя

Моя беспокойная жизнь, становилась ещё более беспокойной из-за Нади! Вокруг неё постоянно вились парни, в их комнате тусили большие компании!.. Я, поначалу, заходил туда с Андрюхой, мы пили чай, или что там ещё, и болтали ни о чём! Со временем мне это надоело, и ходить я туда не стал, а в один прекрасный момент послал нахер Надю и Олю (ну, перегнул немного палку) когда они пришли к нам в комнату посмеяться и поглумиться! Короче, и они ходить к нам перестали! На Надю положил глаз Слава Немец, он непродолжительное время учился в нашей группе и был отчислен за неуспеваемость! Однажды я зашёл к ней в комнату! Она сидела на кровати! Слава сидел рядом и старался обнять её за плечо, потом попытался поцеловать в щёку. Надя увернулась и сбросила руку. Я зашел, сказал что-то не особенно важное и сел на табуретку напротив них. Мне было не по себе... внутри противно и хотелось разбить лицо Немцу, но я этого не сделал... Следом за мной вошёл Влад Крутой, такая фамилия была у парня, местный друг Миши и Артёма, кстати, сейчас он где-то в Питере живёт, ну да я его сто лет не видел, постоял немного и протянул

22

Записки из дурдома

Общага. Дверь.

23

Андрей Vilesik

мне откупоренный батл пива... я сделал несколько глотков и отдал бутылку.

Влад подошёл к Славе, сел напротив него. Тот улыбнулся.

— Что?— продолжая улыбаться, спросил Немец.

— Побью я тебя!— улыбаясь ему прямо в лицо, ответил Влад.

— Я же с серьёзными намерениями!— засмеялся тихо Слава.

— С серьёзными намерениями!? Это же тебе не девочки на одну ночь!— продолжил Влад Крутой.

... Я встал и вышел. Сделал несколько шагов до лестничной клетки, поднялся на свой пятый этаж, потом до двери... Когда дверь блока захлопнулась за мной... я ощутил себя слабым, слабым и беспомощным... я захотел сказать Наде, что люблю её... повернулся... открыл дверь блока, сделал рывок в коридор... и вдруг остановился, куле, парадокс, но моя слабость была сильнее меня! Она не давала мне двигаться... прежде чем нанести удар, врубалась в мозг и заставляла думать о последствиях! Этому есть название. Это трусость... И мне с этим жить... Я был недостойн этой девушки просто потому, что боялся поцеловать её, даже просто обнять... про-

Записки из дурдома

сто сказать... и в этом виноват я сам! Бояться жить нельзя! Тяжело сожалеть о несделанном!

... Я вошёл в свою комнату, сдёрнул матрас с кровати на пол и лёг на него. Мысли бежали быстро, сменяя одна другую, но была одна самая навязчивая мысль: сегодня не могу здесь оставаться! Посмотрел на наручные часы. Последняя электричка в мой родной город, уходила через 30 минут. Я думал, что пешком дорога до вокзала займёт час. Бежать! Захлопнул дверь, оставив всё, как есть, на полу, и бросился вниз по лестницам, мимо вахты, пробежав метров пятьдесят, я вдруг остановился, развернулся и показал общаге отчаянный фак... Потом нёсся мимо ночного частного сектора, мимо заброшенного парка... Я убегал от себя, от своей слабости, от своих страхов, от своей говённой жизни, убегал, ещё не зная, что это невозможно, что от себя не убежишь... На электрон, правда, успел!

Мои соседи менялись довольно быстро. Лёха и Женя вылетели за косяки и к нам подселили гопников с ФБЖ... Думаю, эти уроды посмеялись бы, узнав себя в этих строках, это единственное на что они способны! И если у меня нет в жизни интересов, если мне на всё покуй я, всё равно,

Андрей Vilesik

Общага. Лампа

26

Записки из дурдома

не перестаю быть человеком.. потому что во мне остаётся жалость, способность сострадать... Эти ребята были быдлом во всех смыслах этого слова. Не знаю как насчёт их родителей, но воспитать таких моральных уродов — это ж надо постараться. Красивые девахи, да, точнее случайные связи с ними, ещё точнее перепихон по быстрому — единственное, что их интересовало, хотя нет, дерьмовая музыка Миши Круга и прочая херь, типа «я готов целовать песок, по которому ты ходила» или «ах, какая женщина, какая женщина. Мне б такую»... бухло, дрянная работа, сотовые телефоны... полный набор ерунды, которая была у них в головах. Костя Тайсон и Компания.. Они были из Невьянска. Гиблое место.. Кто знает, тот поймёт.. Именно такой городок и мог сформировать подобных мутантов.. хотя мутантом они, наверно, считали меня!.. Если б был шанс решить их судьбу, я таких как они приговаривал бы к смертной казни из жалости к ним самим. А зачем им жить? Зачем они топчут эту землю?.. Что оставят после себя?.. О чём расскажут в старости?.. Им нечего рассказать, им нет смысла топтать нашу грешную планету. Троица ублюдков, воняющих одеколоном и понтами... Когда они работали охранниками в каком-то ночном казино, они закорешились с Дильшаном. Этот персонаж был на половину та-

27

Андрей Vilesik

таринном. Участвовал в военных действиях в Чечне, видел смерть, и ему было на всё действительно покуй. Тело его сохранило шрамы от пуль, по крайней мере, он так говорил, те пули что «входят через руку, а выходят через пятку»... Он щёлкал своей челюстью, которая была повреждена, и демонстрировал нам с Андрюхой свои огромные сбитые, мозоленные костяшки... Он говорил, что ему покуй жить или умереть. Если бы я воткнул в него нож, он, конечно бы, машинально сопротивлялся мне, но по большому счёту ему покуй.. так говорил Дильшан и, глядя в его глаза, я верил ему. Забавно, даже не знаю их фамилий.. И имена некоторых позабылись. Это всегда со мной так, забываю имена, лица, фамилии, а поступки нет, поступки с точностью до слова до доли секунды я могу воспроизвести в мозгу в любой момент. Дильшан считал меня плесенью, говорил, что я сумасшедший, что «близок к шизофрении». Сидел на андрюхиной кровати раз под пьяную лавочку, напротив меня, и вот так, прямо в лицо, вешал мне, что я псих. Он был прав, был прав, чудовище!..

Этот гад частенько засылал меня за пивом.. Андрюху он не трогал. Вошёл как-то в нашу комнату и посмотрел на бумажку, лежащую на столе, это были мои стихи. Он прочёл их. Сделал свои замечания, что стихи детские и что это стихи пятнадцатилетнего.

Записки из дурдома

цатилетнего. Я не обиделся, ей богу. Сказал мне, что сам пишет стихи. И прочёл наизусть одно стихотворение о любви. Стихотворение было о любви, точнее о сексе, о страсти.. о траханье, вот верное слово. Стихи, холодные и злые, каким был он сам.

Несколькими годами позже я написал о нём пару строк:

*За письменными знаками
Лишь ненависть и ложь.
Родился ты собакой
Собакой и помрёшь!*

... Это был вечер. Меня заслали за пивом. Заслал Дильшан. Я взял рюкзак и пошёл. По дороге к киоску пересёкся с тремя бухими, они окликнули меня, я продолжал идти, не оглядываясь, и услышал такой диалог за своей спиной:

— Эй, ты?! (обращение ко мне) А... он гонимый.

— Давай ему пизды дадим?

— Да накуй он нужен, он же гонимый.

Они были правы. Я гонимый. И буду таким всю жизнь. От чего я бежал тогда? От чего бегу сейчас?.. Слишком много вопросов. Дохрена вопросов! И ни одного ответа! Правды нет. Нет Бога.. но это я понял чуть позже... а пока я топал в киоск

Андрей Vilesik

с поларовским рюкзаком и думал, что если меня сейчас тормознут на вахте, это было бы прикольно. Пусть повяжут меня с полной сумкой пивчаги. Я несу её ни себе, я не стану молчать. Заложу всех, этих отморозков, своих соседей и левых в том числе. Я искренне желал, чтоб их повязали. Если выгонят меня из инстика, то пусть выгонят и их всех, поимённо!!! Не повязали. Я прошёл, брякая бутылками, а вахтёрша только понимающе посмотрела на меня и ничего не сказала! Хотя у меня был полный рюкзак пойла за плечами! Эх, баба Тоня..баба Тоня. Я поднялся на пятый этаж, зашёл сразу в комнату соседей и выгрузил бутылки! Они предложили бухать. Я знал про себя, что буду бухать.. Я буду бухать за их счёт пока меня не вырвет, пока не вырублюсь.. Пить их пивчагу, жрать их сухарики... и будь, что будет.

Когда пиво кончилось, ко мне подсел Дильшан.

— Кого в общаге можно развести на деньги?— спросил он.

Мысли в моей голове побежали быстрее, не пойду, достало... устал.

— Ты в 401 был?— спросил я тихо, повернувшись к нему.

— Нет,— сказал ушлёпок.

— Сходи, — улыбнулся я.

Записки из дурдома

Дильшан, как заправский армейский дедушка, одобрительно толкнул меня рукой в голову и ушёл. Я лёг на кровать, закрыл глаза. Так я стал шестёркой, падалью, которая подставила своих соседей снизу, с четвёртого этажа, тех, кто учился курсом ниже, и это стало началом конца...

*Ты когда-то был совсем слепой,
Боролся с пустотой!..
(Пурген)*

Через несколько дней после этого я спустился на четвёртый этаж в свою маленькую мастерскую... Выключил свет, встал на колени... и глядя в чёрную стену обратился к Богу.. Я просил избавить меня от такой жизни... просил, чтобы Бог помог мне, просил изменить то, чего изменить казалось нельзя в принципе, просил изменить мою жизнь!.. Слышал голоса проходящих за дверями людей, слышал, что кто-то общался в комнатах за стеной... и был уверен, что в этот момент меня слышат враги и друзья, что меня слышит даже сам Бог, хотя на самом деле меня не слышал никто!..

Андрей Vilesik

...а после, это было в конце семестра, я рисовал в своей комнате в общежитии задание — рисовал непроходимый лес с огромными деревьями, в котором были двое, парень и девушка... Их лиц не было видно, а были видны только ноги, и ноги по графике тоже напоминали деревья... Я закончил эскиз и взял формат, чтобы перенести на чистую, сделал несколько штрихов, остановился, чтобы отдохнуть, облокотился на спинку стула и отчётливо услышал мужской голос, который позвал меня по имени. Я осмотрелся, в комнате никого не было... Он шёл как будто сквозь пол, сквозь стены, сквозь потолок. То, что он звучит у меня в голове, в это поверить я не мог! Голос сказал: «Не надо, не надо... остановись!» Я положил карандаш на стол. Голосов стало несколько: «Спускайся к нам! Мы тебя будем опа-опа». Я встал, налил кофе! Закрыл дверь и включил Марчибу в магнитофоне. Потом лёг на кровать, взял книгу «Проводник» Ильи Чёрта, стал читать её страница за страницей. Голоса смеялись и общались друг с другом, как общаются старые друзья. Они ненавидели меня! Их веселил мой страх и моя беспомощность. Все они считали меня лохом!..

32

Записки из дурдома

Трэш

Я вижу их лица.
(Мне никак не понять,
кто же я среди них)
(Жесткач)

Хардкор начался под утро! Находиться в общежитии стало совсем невыносимо, и я набрал сотовый телефон бати.

— Пап, приезжай, забери меня! — попросил я дрожащим голосом.

Батя не на шутку испугался.

— Мне на работу завтра с утра,— сбивчиво сказал он.

— Забери меня, а то мне конец! — канючил я в трубку.

Батя сказал, что приедет..

Мне тяжело писать об этом. Я помню всё с точностью до минут даже сейчас.

Было утро. Я одел осеннюю лёгонькую курточку... хотя на улице был приличный минус, положил в карман нож и подошёл к дверям. Услышал щелчок замка соседнего блока, в голове пронеслась мысль, вот он момент. Рванул дверь и вышел из блока. Из соседней двери вышел Миша

33

Андрей Vilesik

Квартников. Я побрёл с ним по коридору. Голоса не прекращались.

Я сказал: «Конец мне. Ножи по мне точат...»

— Кто? — спросил Миша.

— Соседи... — ответил я. — Из 401...

— Да перестань, — сказал Миша, — я с ними поговорю!

Квартников пнул входную дверь, и мы вышли из общаги. Я решил — дойду до главного здания, там меня не тронут. Отсижусь и дождусь бату.

Миша пошёл на маршрутку до центра. А я рванул к главному зданию. Зашёл и сел в вестибюле...

Меня окружали лица людей готовых напасть, готовых трахнуть и убить меня... я слышал каждое их слово... или мне это только казалось. Напряжение нарастало. Хотелось бежать, но я знал, что дождусь отца. И я дождался. Бросился к нему, мы поймали маршрутку, на ней — до вокзала. Оттуда я покинул город, в котором учился, покинул на долгих два года. Мне было холодно, и я хотел есть, но больше всего хотел спать. Я лёг на лавку в электроне и уснул нервным беспокойным сном. Мне снился мой враг, самый главный внутренний враг. Внешних врагов победить можно, нельзя победить своего Тори. Сразу оговорюсь, что этот внутренний страх не имеет ничего общего с

Записки из дурдома

персонажем из книги Ильи Чёрта, хотя слово я, не претендуя на оригинальность, позаимствовал именно оттуда. Нельзя победить самого себя... Приехав домой, я спал несколько дней. А голоса стали слышаться из-за стен соседних квартир... из подъезда. Все эти дни у соседей играло попеременно только две темы «Мы не носим цепи, мы простые пацаны» и Дайда (припев из клипа Эминема)... изо дня в день, каждый день, на протяжении нескольких недель только эти две песни... Находиться в квартире было всё сложнее, голоса усиливались. Последний каплей стал стук в дверь ночью.

Батя подошёл к двери и спросил: «Кто?»

— Милиция, — ответили из-за двери.

— Утром приходите, — сказал отец.

Это не была милиция. Я знал... Они пришли ко мне.

Я отвернулся лицом к стене. На следующий день мы перебрались к бабушке.

Мои родители пытались выяснить была ли агрессия в мой адрес, и что произошло на самом деле. Вскоре они пришли к выводу, что я двинулся рассудком... Я начал уходить один из дома. Потерял телефон и сим-карту. Точнее, голос приказал выкинуть сотовый. И я на ходу разобрал его, вы-

Андрей Vilesik

нул сим— карту, выбросил её, и следом отправил в сугроб по частям сам сотовый. За этим последовала любопытная цепь событий, о которой я не рассказывал ни одному живому человеку... Голос указывал, куда мне идти и что делать. Я приведу только несколько примеров. Хотя изобретательности его не было границ.

Я пошёл на телевышку, залез на высоту третьего этажа и спрыгнул вниз. Внизу был сугроб, в который я попал. Залез снова и снова спрыгнул. И так трижды. Я на самом деле страшно боюсь высоты и в нормальном состоянии никогда бы такого не сделал. Сторожевая шавка кусала меня за ноги, когда полз обратно к забору. Слабо и без особого азарта я отпинавался от твари. Когда лез через забор, разорвал штаны. Голос сказал, куда мне идти. Он вёл меня в дом, где я не был ни разу в жизни. Вошёл в подъезд и постучал в деревянную дверь. Мне, не сразу, но открыла женщина.

-Что надо?

— Нитки и иголку, — попросил я.

Она с презрением посмотрела на меня и сказала: «Знаешь, я не могу тебе этого дать!»

Я попросился и вышел из подъезда на улицу. Зашёл в другой дом и попросил то же самое. Мне дали иголку и нитки. Я сел на ступеньки и зашил штаны...

Записки из дурдома

Другой раз я, сняв ботинки и носки, босой бежал по снегу, это было в районе ж/д. Пробежал приличное расстояние и даже не заболел, чокнутые вообще меньше болеют, если что...

Я стал искать своего Тори. Мне стало всё равно, что он сделает со мной, лишь бы перестал мучить. Бродил один по городу, но, куда бы я не приходил, меня ждала лишь пустота, пустые улицы, гаражи, леса... А однажды он сказал: «Возьми деньги, все, что у тебя есть, иди в магазин». Зашёл и купил самый дорогой торт. Голос приказал купить и шоколадку. У меня не хватало пары рублей, и я стал попрошайничать. Ходил по магазину и просил два рубля. Люди с удивлением смотрели, как здоровенный детина просит подаяния. Кто-то подал. Я купил шоколадку, развёл все деньги под ноль. Потом голос приказал идти в тот же деревянный дом, где просил ниток первый раз и мне отказали. Я пришёл. Постучал в дверь... открыла та же женщина. Посмотрела и впустила меня. Зашёл внутрь. Прошёл в комнату. На столе стояла водка. На диване рядом со стеной сидел человек. Он спросил кто я, откуда. Предложил выпить. Я отказался. Предложил травы... на что хозяйка дома обругала его и сказала что он охренел.

Андрей Vilesik

— Зачем ты пришёл?— спросила она — я думала, ты пришёл на день рождения моего сына! У моего сына сегодня день рождения!

— Я убил вашего сына,— ответил ей ни с того ни с сего и сам ошалел от такого поворота событий.

Она как будто даже не удивилась, не поверила мне.

Зашёл парень, которого я никогда раньше не видел. Задал мне какие-то вопросы. Знаю ли какого-то Александра. Я сказал, что не знаю.

Посидел. Одел обувь. Попрощался и вышел, дико извиняясь перед хозяйкой, что наследил. Задерживать меня никто не стал...

Переехал из своей квартиры на квартиру бабушки. Трэш продолжился там. Когда слышать то, что у меня внутри, становилось совсем невыносимо, я выходил на улицу, отпрашивался у родителей. Голос внутри меня вёл по моему городу, который я знал, кажется, на все сто, но никогда не знал его таким... Однажды я шёл через гаражи, и вдруг голос сказал: «Хуле, снимай ботинки». Я снял и пошёл босиком. Был снег, зима и холодно. Ноги мёрзли. Потом голос сказал: «Хуле, по

Записки из дурдома

дороге, иди, мразь, по сугробу». И я, зарываясь в снег по пояс, полз по сугробам босиком. Там, под снегом, пролегла сточная канава и я иногда проваливался в неё голыми ногами. Хотелось схлестнуться с тем гадом, что сидел внутри меня, но это было невозможно, а жаль, ведь я искренне желал вырвать зубами его гнилое сердце.

Однажды ночью бился в бреду. Тори сказал: «Иди в туалет». Я пошёл. Потом он приказал мне сесть на толчок и опорожниться. А потом приказал мне жрать из унитаза, и я сделал это. Вкус дерьма во рту, на языке, в глотке, везде. Потом вернулся в комнату и пытался блевать. Блевал, а он приказал мне съесть это, господи, и я сделал это. Плотал свою блевотину, вместе со своими слезами и соплями...

Это был мой путь, которого не пожелаешь и врагу, я шёл по нему, шел и не верил, что это не сон, что всё происходит со мной в реальности.

Я пытался молиться, но голос говорил, что Бога нет, что бог — это он, и я в его власти... А я хотел одного, выжить и остаться собой, и вот это ощущение, что я — это я, как бы не было плохо, я — это я, маленькая наивная мыслишка — она одна радовала.. Остаться собой, много ли я хотел, трудно сейчас судить. Ещё меня интересовал вопрос:

Андрей Vilesik

заслужил ли это и в конце концов я пришёл к выводу, что да, заслужил, а раз заслужил значит должен терпеть. Тогда подумывал о самоубийстве, но я всегда боялся смерти. Страшнее смерти нет ничего — как говаривал Михаил Юрьевич, хотя это не дословно. Тори повторял в таком случае всегда одно и то же: подумай об этом, подумай.

Перевезли в деревню на родину моего отца. Я постоянно пытался убежать из дома, жрал спиртовые ватки от укулов и постоянно ревел...

Записки из дурдома

Дурка

«Нас недавно поместили
в сумасшедший дом.»
(*Сектор Газа*).

Меня сдали в дурку моего города. Врачи не знали, что со мной. Лекарства не помогали.

Другие чокнутые там смотрели на меня как-то недобро, как будто они всё знали обо мне.

Голос сказал мне: «Пойди к мужикам, и пусть они тебя трахнут». Я подошёл в туалете к компании мужиков и сказал им прямым текстом: «Я лох, выебите меня, пожалуйста». Тогда один из мужиков встал и приложил меня лбом об дверной косяк.. из носа пошла кровь. Второй сказал: «А тебе приятно было бы, если б я тебя натянул?..» Я ответил: «Нет». Он сказал: «Живи пока... Ты ребят подставил и, если это повторится, тебе кранты...»

Врачам они наплели, что я буйный, бьюсь головой об стену. И меня бросили на вязки в этот же вечер. На вязках было куёво. Я боялся за свою жизнь и девственность своей задницы, боялся — это мягко сказано, я готов был обосраться от страха, но тут случилось то, чего никто не мог представить, никто. Меня отвязали, после двух дней пребывания на вязках, и повели к главврачу. Он посмотрел на

Андрей Vilesik

меня и сказал: «Знаешь тебе сейчас не так уж тяжело, я был в Афганистане, вот там было страшно, там ребятам действительно было тяжело. Я был там врачом и ничем не мог им помочь». Потом посмотрел на меня и добавил: «Хочешь лечиться в области?..» Я поднял мутные глаза. Мне хватило пары секунд, чтоб понять, что это шанс, шанс вырваться не только из этой больницы, этого города, но из этой жизни. Я кивнул и улыбнулся.

Голос внутри злобно сказал: «Пипец тебе теперь»...

Я не спал этой ночью, лежал на казённой постели и думал — о прошлом, о настоящем, о будущем. Это мой Брусиловский прорыв, мать его, и пусть сосут все те, кто хотел моего сумасшествия и моей смерти. Тогда я определил для себя: я вырвусь.

На следующее утро меня подняли с постели и повели по отделению к выходу. Больные вышли из палат и смотрели на меня... кто-то зло.. кто-то никак. Мне уже было всё равно.

Ехали на белой легковой машине, с батей и мамой, а за окном кружился снег, провожал меня в никуда. Я не знал, что будет дальше, я знал только, что поставил крест на прошлом. Снежинки сотнями умирали за окном, а я оставался жить на-

Записки из дурдома

зло всему, даже обстоятельствам, оставался жить и бороться за свою жизнь и, что важнее, за то, чтобы остаться самим собой.

Мы выехали по темнечку, а приехали на место, когда было уже светло. Зашли в приёмный покой, оформили документы. Родителям сказали, что посторонним вход воспрещён. Я обернулся и посмотрел в их испуганные лица. Потом прошёл по светлому коридору и сел на кушетку. Две белых двери закрылись одновременно, защёлкнулся замок, и я умер!

Верил ли я в себя тогда, сложно сказать, а верю ли сейчас и что изменилось в моей жизни?.. Иногда мне кажется, что всё это затаилось внутри меня, и у меня есть основания так думать! Возможно, это не я дурак, а мир вокруг такой злой и сумасшедший? И что вообще это? Глядя на людей я, иногда, думаю, а свободны ли они, счастливы? Хорошо ли им на этом свете? И в чём различие между нами? Может единственно свободные люди — это мы?..

Парадокс, но странным образом мы более свободны, чем те, кого не держат стены и решёт-

Андрей Vilesik

ки, кого не колют никотинкой, глюкозой, инсулином, флюанксолом, не кидают на вязки. И это не моя мысль, ведь не я первый об этом говорю. Почитайте «Дельфины и психи» Высоцкого.

Двери закрылись, и ко мне подошёл пацанчик лет восьми. На животе у него был шрам, парень маленького роста и лысый. Он гонял в стандартном для всех здесь прикиде — синяя штука, похожая на робу, штаны и пиджак. Особо жёсткие гоняли в кальсонах, но это я разузнал со временем.

Парень подошёл ко мне и спросил:

— Сладкое есть? Вафли есть?

У меня в руках был пакет с едой, который мне оставили родители.

Я заглянул в пакет и сказал:

— Вафлей нет. Печенье будешь?

Он кивнул.

Я протянул ему пачку печенья. Он раскрыл её и позвал жестом других. Со всех сторон потянулись люди, они были одинаково одеты. Пачку съели. И спросили, что есть ещё. Я отдал пакет с продуктами. И его мигом разбомбили. Ко мне подошёл санитар и провёл меня в комнату, типа душевой.. там стояла ванна, в которой мыли тех, кто

Записки из дурдома

до общей душевой, а она находилась в другом здании, дойти самостоятельно не мог.. Одежду мою забрали, выдали мне кальсоны и голубую футболку с длинным рукавом...

Потом я занял койку в коридоре. Палата для вновь поступивших была переполнена. «Хорошо лежать в коридоре» — думал я тогда.. так как 6-ая палата — это ужас, место для неизлечимых и вновь пришедших... Предстояло пройти долгий путь от лёжки в 6-ой палате до первой... меня как-то кинули в 5-ую за то, что я ел банановую кожуру, вот тогда я реально наделал в штаны... но всё по порядку, об этом расскажу позже... Хотя находились талантливые люди, умудрившиеся выписаться из палаты №6. Вы читали Антон Палыча Чехова «Палата №6»? Так вот знайте, что автор ни капли не врал.. резал правду матку, так сказать.

К моей кушетке подошёл другой пацанчик. Я поздоровался. Он был младше меня, но было в его глазах что-то такое, что есть в глазах старика, прожившего в жизни не один хардкорный эпизод. Его поместили в дурку на исправительные, точнее дали выбор: либо тюрьма, либо дурдом, за ограбление магазина с друзьями. Тех посадили сразу, а этот был слишком мал. В дурке для детей он долго не пробыл поскольку дрался со взрослыми, не боялся никого и мог схлеснуться с кем угодно. При-

Андрей Vilesik

кольный был парень. Я понял, что мы подружимся. Я рад бы был узнать, где он сейчас, сидит или начал свободную жизнь.

— Расскажи мне про свои татуировки, — попросил я.

Он показал правую руку. Между большим и указательным пальцем было написано «Не...» Он сказал, это значит «Не подам руки менту». Потом показал другую руку: «А это — один в четырёх стенах». Тот малец провёл в психушке, в общей сложности, 12 месяцев и ему было покуй, ведь за стенами его не ждало ничего хорошего...

В первый день моего поступления многие пациенты сами подходили и знакомились со мной, может вид у меня располагал, а может ещё что-то. Одним из таких шапочных знакомцев был странный чел лет тридцати пяти, он запомнился мне лучше остальных. Маленького роста, жилистый, заметно, что качал железо до больницы. Загорелое лицо, чёрные усы, борода клочками, причёска странная, волосы прилизаны, словно у Гитлера. Много болтал по поводу и без повода, в основном на тему спорта и здорового образа жизни. Как-то раз с утра пристал ко мне в туалете с разговорами,

Записки из дурдома

поговорить было больше не с кем, другие психи ещё спали. Увидел меня со щёткой и зубной пастой в руках, ну, и привязался. Узнал, что я чищу зубы два раза в день, утром и вечером. Долго хвалил за это. Потом от вопросов гигиены перешёл к здоровому питанию. Рассказал, что на завтрак обычно ест только грецкие орехи с мёдом. «Чистый протеин», — говорил парень и весело смеялся.

За харчем этот чел всегда был в первых рядах. Приходил с железной миской раньше всех, занимал место у окошка раздачи и потом уж держал оборону, примерно как держали её в Брестской крепости в июне 41-го, никого не пропускал вперёд, время от времени заглядывая в щель между закрытыми створками того самого окошка.

— Как ты попал в больницу? — спросил я у него однажды.

— Сестра довела, она и ментов вызвала, и медиков, сказала, мол, я её избил, якобы! — качёк многозначительно поднял указательный палец вверх. — Оклеветала меня!

Выдержал паузу и добавил: « Ну, ударил раз...»

Во время лечения никто из родственников его не навещал. А когда наступил день выписки, качёк отпросился у зав. отделения, она дала добро

Андрей Vilesik

и, хотя это было против правил дурки, отправился на вокзал один, уехал в свой маленький областной городок, где его, наверно, заждались родственники и уютный маленький полуподвальный спортзал, о котором он не раз упоминал в больнице.

Я провалялся в коридоре до обеда, а потом пришёл санитар и сказал, чтобы все шли есть. Окошко с харчем было ещё плотно закрыто, но вокруг него выстроилась нехилая очередь на половину отделения. Я взял железную миску, ложку и встал в очередь. Тут ко мне подошёл паренёк чуть постарше возрастом и встал в очередь демонстративно прямо передо мной. Я спросил: «Здесь ведь очередь?..» Он посмотрел на меня мутными глазами, потёр двумя руками нос и сказал:

— Ты где находишься?..

— Здесь, — ответил я.

— Ты находишься в психбольнице, психоневрологическом отделении, — добавил парень.

Потом он спросил, как меня зовут. Я назвал своё имя, он сказал своё, и мы познакомились. Впоследствии мы тусили вместе довольно продолжительное время. Я, к сожалению, не помню

Записки из дурдома

даже его имени. Мы ходили по отделению или стояли в самом конце коридора перед иконой, которая там висела. Чувак говорил: это церковь. Когда один молится, это просто он молится, а когда двое — это уже церковь. Мне показалось логичным то, что он говорил. Потом я узнал, что он попал в дурку после армии, где служил в каких-то войсках, связанных с воздухом, и даже прыгал с парашютом. Дедовские замашки у него были явные, но я мало обращал на них внимания. Вообще, он мало о себе рассказывал, скрытный был.

Мы как-то с ним сдавали анализы на сахар. Это значит буквально следующее: у тебя берут кровь из пальца, потом ты выпиваешь стакан глюкозы в чистом виде, а она, сука, очень приторно сладкая, потом колют другой палец, потом снова пьёшь мерзкую глюкозу, и колют третий палец.

Первый стакан этого сахара идёт ещё более-менее в охотку, а второй уже совсем не идёт.

Сидим и ждём результатов. «Все пальцы искололи, суки,» — говорит он. Я улыбаюсь, уж больно красивая медсестра брала у меня кровь, сексуальная такая, есть же и в этом больничном аду красивые девушки, и потираю третий исколотый палец.

Андрей Vilesik

На прошлой жизни был поставлен крест. Что дальше? Я лежал на койке в коридоре и вспоминал свою жизнь, плюс был в том, что меня никто не слышал. За всё заплатил сполна и даже камня на душе уже не ощущалось. Тогда я лежал в коридоре и думал о многом, вспоминал о старых друзьях, о своих врагах и ещё о многих людях, с кем пересекла судьба, иногда случайных, раз за разом прокручивал в мозгу, как киноплёнку, кадры моей прошлой жизни. Я пытался понять, где я ошибся, раз наказан, а было ли это наказанием (?) или всего-навсего откровение, сама жизнь протёрла глаза, бросила лицом в грязь, озлобила и заставила задуматься.

Предстояло жить дальше, жить, это значит ответить на несколько первостепенных вопросов. И смысл даже не в самих вопросах, а в том, что ответить на них самостоятельно я не мог, но мне помогли, помогли такие же, как я.

50

Записки из дурдома

Таракан

Часто я залипал в стену, сидя на кушетке рядом со столом санитаров и палатой №6. Однажды ко мне подсел дедок. Он не разговаривал так, как мы себе это понимаем, но я точно знал, что он говорит. Такой яркой мимики лица и жестов рук я больше не встречал в жизни. Он говорил много и о многом, но понимал себя только сам, наверно. Издавал звуки, и лицо его выражало одну эмоцию за другой. У него были длинные нестриженные волосы, заросшая борода и усы. Его ногти никто не стриг, и они превратились со временем в когти, высывались из шлёпанцев. Когда дедок ходил, когти стучали по полу. Я молчал и смотрел в одну точку, а он сидел рядом, смотрел на меня и, непрерывно, что-то говорил, улыбаясь. Я не понимал, но знал, что он утешает меня. Его звали Таракан. Психи не знали ни его имени, ни фамилии, и даже санитары называли его просто — Таракан. Он питался отбросами или тем, что ему давали, иногда вылизывал тарелки. Неизлечимый душевнобольной. Он прожил в психушке, к тому моменту, четыре года и ему предстояло, судя по всему, прожить в ней всю оставшуюся жизнь. Именно этот человек показал мне цену

51

Андрей Vilesik

настоящей свободы, не только в масштабах дурки, но и в масштабах самой жизни.

Свободен ли ты? Работа, дом, работа, дом, семья, жена, а, если повезёт, дети -надежда старости. Бедность или богатство, извращение или целомудрие, что из этого ценно?.. Что для тебя важнее?.. Свободен ли ты?.. Или скорее зависим от всего этого?..

У Таракана не было семьи, к нему только раз приходила племянница, поплакала, покормила его фруктами и ушла. Я не знаю, узнал ли он её, думаю, нет. Один раз за полгода, вот и всё.

Я видел, как Таракана били по лицу в туалете огромные бугаи, тоже психи. Они били его в челюсть слева и справа, а он только улыбался, он смеялся им в лицо и даже не плакал, и о чём-то постоянно говорил, о чём-то хорошо, как будто пытался донести самую суть жизни, доступную только ему одному. Когда он сидел со мной рядом на кушетке и хрустел своими костяшками, мне было как-то хорошо и спокойно на душе, я чувствовал, как будто рядом со мной сидел Иисус Христос. И что мне после этого храмы, и церкви, и купола, если я видел Христа во плоти. Я видел рай и ад. После жизни жизни нет, запом-

Записки из дурдома

ните, она одна и только здесь на земле, поэтому любите друг друга, верьте в добро и, что важнее, верьте в себя.

Меня этому научил Таракан, точнее Александр, Саша. Его имя я прочитал на баночке с таблетками, которые в дурдоме давали три раза в день.

Тихий

Дело было после обеда. Дураков кормили всегда довольно скромно, только чтобы те не протянули ноги, поэтому жрать хотелось постоянно. Хотелось хлеба. Несмотря на это меня сильно разнесло в дурке, я очень мало двигался. Пища была стерильной, так её называли сами психи, несолёной, среди больных много диабетиков и эпилептиков, им ни острое, ни солёное нельзя. Но человек такая скотинка, ко всему привыкает. Никогда не наедаясь, я до дна выскребал тарелку с овсяной кашей, по утрам её давали стандартно, раз в неделю, она хоть сладкая была, или пюре с куском варёного минтая... жареное нам тоже не полагалось из каких-то медицинских соображений... Самый трэш в меню – борщ, если эту жидкую баланду из капусты, покрашенную свеклой,

Слепой и Таракан

54

Записки из дурдома

можно так назвать, в ней не было ни то, что мяса, но даже картошка попадалась крайне редко, через раз.

Лысый, сморщенный дедок, псих, который как-то раз сидел рядом со мной во время обеда, напрямую заявил санитарам, что не будет есть это, людоедное. Отчего я чуть не подавился баландой. Потом сидел в коридоре на кушетке. Меня сильно тошнило. И правда, людоедное, суки, подумал я. Подошёл к санитару и попросил активированного угля, тот дал шесть таблеток, я проглотил их без запивки, предварительно разжевав. Потом развернулся и начал бешено блевать на стену и пол. Санитар ткнул мне в сторону сортира. Забежал туда, но до очка не добрался, а заблевал чёрными сгустками раковину. Надо убрать, подумал я, иначе кинут парой палат ниже. Ко мне подошёл Тихий из шестой и Таракан.

Тихий был странным парнем, он провёл в психушке много месяцев, ему не раз предлагали перелечь в третью или вторую палату. Любой другой на его месте согласился бы с радостью, а этот парень просил оставить его в шестой поднадзорке, для тяжёлых и вновь прибывших.

В атмосфере хаоса он чувствовал себя лучше.

55

Андрей Vilesik

– Почему не хочешь перевода? – спрашивала у него врачиха.

– Боюсь, – отвечал чувак.

Он потом так и выписался, прямо из палаты №6.

Так вот, Тихий, ни слова не говоря, засунул руку по локоть в раковину и вытащил со дна горсть прожёванной блевотины, потом бросил её в помойное ведро, я быстро раскрутил колесо и слил остатки этого дерьма, а Таракан схватил швабру и затёр пол, бурча себе под нос: «Погоди, погоди... иди на хуй», – обращаясь к другим психам, пытающимся отобрать её у него. Потом Тихий вымыл руки, похлопал меня по плечу и ушёл к себе в палату, за ним следом весело зашаркал шлёпанцами, застучал когтями по полу Таракан. Я, вытирая пот со лба, выкатился из сортира последним и благодарно кивнул головой им вслед. Их никто не просил, они помогли мне просто потому, что сами этого хотели. Из глубины коридора уже приближалась бригада санитаров...

Записки из дурдома

Палата №5

Я надеялся на скорую выписку, возможно, хотел выбраться слишком рано, этого все хотели, «в прорыв идут штрафные батальоны» (Высоцкий), но прорыва не получилось. Меня перевели во вторую палату, считай, курорт, а мне стало хуже. Я снова начал слышать эти разрывающие мозг голоса, и всё вышло из-под контроля. Тори сказал мне как-то: «Что, сука, хорошо тебе? Как на курорте живёшь, жрёшь пайку родительскую! – замолчал на секунду и продолжил. – Иди в конец коридора». Я пытался сопротивляться, но не смог. «Падай на колени», – злорадствовал он, я встал на колени рядом с ведром. – «Жри помой!» – уже шёпотом зазвучал голос.

Я заревел и, вытирая сопли, полез руками в ведро. Достал протухшую банановую кожуру, засунул её в рот и начал жевать. Сзади на меня навалилась санитарка и оттащила меня от этого говна. Потом отвела в палату, а через полчаса пришёл врач и сказал переодеться. Мою одежду опять забрали, выдали мне кальсоны и футболку с длинным рукавом.

Потом заставили свернуть матрас и повели в палату №5. Это место ничем не отличалось от

Андрей Vilesik

шестой, тоже поднадзорка для тяжёлых больных. Мне указали на койку. Расстелил матрас, лёг на него, как в гроб — не шевелясь. Успокаивал себя, пытаясь придушить, хоть немного, внутренний страх. Двери закрылись и понеслось. Пациенты, все, как один, подорвались с кроватей, закипела движуха...

Чувак с выбитыми зубами, стоя на койке, орал матерные частушки (таких я даже не слышал никогда). «Маньке целочку порвали, Саньку в жопу вые*ли...» — что-то типа такого.

Другой, с заячьей губой сначала подсовывал мне бутылку воды, а потом сказал: «Не хочешь?.. Правильно. Не пей, у меня слюна отравленная!» Перекрестился и продолжал, глядя мне в глаза: «Ты в бога-то веришь? А нет его, бога-то. И рая нет, только ад. Ко мне вот всё черти приходят... — перекрестился. — Рая— то, нет. Ад только!»

Этот чувак после пытался сбежать из психушки через окно, когда его отпустили погулять по коридору — хотел сигануть со второго этажа, уже створку открыл и на подоконник залез... Можно сказать, что санитары его в полёте перехватили. Я видел, как его кидали на вязки, как вязали ему руки, ноги, грудь, как параллельно херачили в вену какую-то прозрачную муть, под которой

Записки из дурдома

человек может спать несколько суток. И, что главное, в этот момент я видел его глаза, глаза человека, которого распинали на кресте. Эти глаза не изобразил бы никто на этом свете, суки, никто.

Я видел чертей, про которых он мне говорил. Они плясали перед этими глазами, они были повсюду. Знаю, что это не мой больной глюк — это обречённость. Он действительно был обречён, неизлечим и бежал через окно не от дурки, а от своих страхов. Я понял это, заглянув в его глаза.

Нет лекарства от сумасшествия. Его нет. В средние века считали, что это результат одержимости души демонами и чертями. Не верю в дьявола. Просто видел, как некоторые излечившиеся возвращались в жёлтые стены, через неделю, через месяц, через полгода. Нам никто не мог помочь. Один знакомый псих по фамилии Ваткин, прямо на осмотре, сказал главврачу: «Против этого у вас ничего нет». И ей нечем было возразить. У них действительно было море всякой дряни, которую мы жевали утром и вечером в виде пиллюль, которую нам засаживали в задницы и пускали по венам, но не было лекарств от сумасшествия, т.к. их нет в принципе, были успокоительные и прочие пре-

Андрей Вилесик

параты, то, что лишь на время замутняло сознание.

Интересно, что бы сказал на всё это Господь? Почему он не оставил нам шанса в виде таблетки?..

«...по Моему гневу и Моему негодованию, и узнают мщение Мое», — говорит Господь Бог.

Так говорит Господь Бог: за то, что... совершу над ними великое мщение наказаниями яростными; и узнают, что Я Господь, когда совершу над ними Мое мщение. (Библия. Иезекииль, глава 25).

Если есть бог, то он просто злой садист, терзающий наши души. По крайней мере, мне так казалось в тот момент. Найдётся много умников, кто подведёт под это научную, медицинскую базу. Останется только одно «но» — из них никто там не был, ни санитары, ни врачи. Для них дурка — работа, ночуют они дома с семьёй, нас с ними разделяют стены и решётки. Я там был, потому имею право на любое, самое нелепое мнение.

Нечестно, по-ублюдски, вот так процитировать готовый отрывок из Библии и им всё объяснить. Давно не ишу правды, это стёб, а её нет. Любую нерешимую проблему можно принять с юмором, отнестись философски. Верить или не верить — личное дело каждого. Этого права не отберут санитары.

Вот когда лежишь в дурдоме и тычут тебя

60

Записки из дурдома

иглами, капельницы ставят, в задницу колют, что не только сидеть, но и ходить трудно, таблетками пичкают, от которых то ссышься, как суслик, то запоры мучат, то глюки ловишь, вот тогда можешь верить, можешь не верить, всё равно это тебе не поможет. Многие дураки молятся, крестятся перед иконой в конце коридора, у каждого из них свой крест, который они накладывают на себя синими исколотыми руками и в этом каждый из них сродни Иисусу Христу.

...Через час двери палаты №5 открыл врач, он посмотрел на меня и сказал неожиданно: «На выход».

61

Андрей Vilesik

Нищий

Да, ты уже полумертвец,
Душа твоя давным-давно устала.
(Депрессия)

В общем, вот так и носило меня, как говно в проруби, из палаты в палату... Хорошо себя веду, переводят поближе к курорту, накосячу, кидают в коридор на койку или ближе к поднадзорке... Мне больше нравилось в коридоре, я мог часами лежать на спине, не двигаясь, руки вдоль туловища. «Не кантовать», — шутили про меня психи...

В палату, предварительно постучавшись, засунул голову Нищих, такая была у чувака фамилия, но все его звали просто Нищий. Он был неизлечимым, прожил в дурке на тот момент что-то около пяти лет, ему было под сорок, но выражение лица выдавало в нём большого ребёнка. Высокий, худой как смерть, вытянутое лицо, почти лысый с двумя растрёпанными пучками волос по бокам головы. Так вот, Нищий просунул голову в палату и сказал: «Тук... тук...» Этому его научил его хозяин, Руслан тоже псих. Нищий был у него кем-то вроде раба, так, для развлечения, поскольку других развлечений в дурке не было.

— Зачем пришёл? — крикнул ему Руслан

62

Записки из дурдома

— Таблеточек... — залопотал Нищий.

Руслан не пил свои лекарства, прятал таблетки под язык, а сам делал вид, что глотает, санитары особо и не доскрёбывались до него. Потом он скармливал таблетки горстями Нищему, а тот ловил глюки, развлекал своего хозяина и других психов.

— Иди сюда, — сказал Руслан. Нищий подошёл, шаркая шлёпанцами. — А ну-ка, полай! — приказал ему хозяин.

— Гав... гав, — сказал тихо Нищий.

— Громче, — засмеялся тот.

— Гав... гав, — закричал Нищий и потянулся за таблетками, но Руслан не отдавал ему горсть.

— Покажи собачку.

Нищий встал на цыпочки, загнул запястья перед грудью и высунул язык. Руслан высыпал ему в рот горсть таблеток, придурок жадно прожевал их и попросил: «А чаю... чай». Он просил спитые чайные пакетики, которые жевал, глотая заварку, и ловил кайф. Руслан достал из тумбочки пригоршню спитых чайных пакетиков, их было штук десять.

— Здесь ешь, — сказал ему Руслан и засмеялся беззубым ртом.

Нищий стал быстро жевать и глотать один пакетик за другим. Я встал с койки и вышел...

63

Андрей Vilesik

Прошёлся в начало коридора и сел на кушетку рядом с палатой №6. Откуда-то из туалета выбежал Таракан, стуча когтями и, как всегда, что-то бурча себе под нос, он поскакал вдоль коридора. Встречным курсом на него уже двигался обдолбанный лекарствами и заваркой Нищий. Глаза его были замутнены, но как только он увидел Сашу, в них появился какой-то нездоровый интерес. Таракан ускорился, пытаясь проскочить между ним и стеной, но Нищий бросился ему наперерез и ударил в челюсть с правой. Таракану было не впервой получать по морде просто так, получал он периодически, то от психов, то от санитаров.

— Иди на ***! — весело сказал ему Таракан, отбиваясь от последующих ударов руками.

— Скотина! — кричал ему Нищий, пытаясь попасть ещё пару раз.

Удары, в большинстве своём, были неточными, но сам факт, что Нищий, который в своей жизни и мухи никогда не обидел, ни с того ни с сего напал на такого же безобидного Сашу Таракана — вот это было жёстко. Скорее всего, среди дряни, которую он разжёвывал пятнадцатью минутами раньше, попались совсем не безобидные препараты...

Записки из дурдома

Нищий чаще просто жевал чайные пакетики, но иногда ему давали «засыпаться». «Засыпались» в дурке многие, брали горсть сухой заварки, сворачивали лист бумаги пополам, потом высыпали заварку на жёлоб и отправляли в рот. От этой дряни прёт, конечно, но недолго, зато тошнит и полощет потом основательно, это факт... «Желудок и лёгкие меняются местами...», как в песне JaneAir... «клёвый приход бессмысленно ждать»... Пакетики рулят, что тут ещё скажешь. Вкус чрезвычайно чайный, может в этом и косяк.

Записки из дурдома

Девушка в халате

Девушка в халате

В палату завалился какой-то Вася и попросил закурить. Я лежал на второй кровати от входа, а кроватей в палате восемь штук. Мужик, что лежал на первой, привстал с койки, потянулся к тумбочке и достал запечатанную пачку сигарет. Сорвал целлофан, протянул сигарету стрелку и сказал: «Женщина, как пачка сигарет», — потом улыбнулся. «Это как?» — поинтересовался кто-то. «Да так, ты первый распечатаешь, а потом все пользуются,» — ответил чел. Все заулыбались. Я тоже улыбнулся, потом посмотрел на правую руку мужика, угостившего ещё пару соседей по палате и убирающего пачку обратно в тумбочку, на его безымянном пальце было обручальное кольцо. Чувак поправил очки, на вид ему было лет двадцать восемь...

Через пару дней я сдавал кровь. Суки, зачем им столько моей крови. Сидел на кушетке и ждал своей очереди. Рядом сидела девушка в халатике, у неё были красивые длинные волосы, заплетённые в косу, и хотя она тоже была из дурки, но взгляд её не был замутнён безумием. У неё были чистые и красивые голубые глаза, а тонкие длин-

Андрей Vilesik

ные пальцы сложены в замок. Я повернулся к ней и сказал: «Привет». Она посмотрела в мою сторону и нехотя ответила.

— Как тебя зовут? — продолжил я.

— Маша, — сказала она, интонацией показывая, что разговор ей неприятен.

— А меня Андрей, — завершил я и направил взгляд в сторону кабинета.

68

Записки из дурдома

Сон

69

Андрей Vilesik

Сон

Рядом с лабораторией сидела старая бабка (явно наш клиент), а я на свою беду в это утро оказался рядом, не помню, каким образом. Вдруг она подняла глаза полные неадекватности и тихо, но отчётливо сказала мне: «Ты будешь видеть сны мёртвых». Это было единственным, что она произнесла.

Мой самый страшный сон в жизни приснился мне в том далёком 2005-ом... Я под огромной толщей воды и всплываю, тянусь руками к поверхности, но знаю, что воздуха до конца у меня не хватит. Я заранее знаю это. И задыхаюсь. Вода заливается через нос, наполняя лёгкие, и последнее, что умирает во мне — это мой мозг. Я всплываю мёртвым на поверхность океана. Мой умирающий мозг видит свет, и это последнее, что он видит. Чувствую, что поверхность воды держит моё тело, и всё заканчивается. Просыпаюсь...

Кто-то сказал, что на поверхности океана жизни мы видим лишь сотую часть правды, а если заглянуть глубже, то можно узреть ужасы, тайны, уродов, сокрытых внутри. Мало кто смотрит в себя, ещё меньше тех, кто готов тащить это, внутреннее, на поверхность. Знаю, что утону в этом

70

Записки из дурдома

океане безумия, но я также знаю, что вытаску из проклятой бездны такое, от чего можно содрогнуться. Быть может это что-то поможет кому-то в трудный момент, подготовит к тому, к чему подготовиться очень сложно. И когда сорвёт крышу, позволит не обверзаться и сохранять относительное спокойствие до приезда белых халатов.

Никого не учу жизни, тем более, что сам живу не бог весть как, но это мой океан, то, что я таску из него — мой улов, опыт.

Володя

Через некоторое время, после того, как меня заперли, следом кинули в дурку афганца Володю. Он был отличный дядька, благодаря таким людям мы и побеждали во всех войнах (и я это говорю без доли преувеличения). Настоящий солдат, сильный и справедливый... он плевать хотел на вязки, в Афганистане он не раз ходил под ножами и пулями, в его глазах была честность, с которой он смотрел на эту жизнь!.. Как-то раз мы с парнем, которого я уже здесь упоминал, стояли у иконы в конце коридора. Володя подошёл к нам, сел на кушетку. Демонстративно наплевательски

71

Андрей Vilesik

перекрестился и сказал: «Ну, здравствуй, Боженька! Помолиться что ли тебе?.. Христос воскрес и умер». И засмеялся. Когда я вышел из дурки, я написал текст песни о терроризме (это было связано с событиями в Беслане), и в конце я вставил эти слова, которые резали мою душу пополам, выплёскивались в злость, в ярость, которые напоминали мне, каждый день, тогда в дурке и потом, что я выберусь. И если есть ад на земле, а он здесь в отделении номер пять, то, бл*ть, должен быть и рай... должен быть..

Этот текст я отдал потом через брата ребята из панк-рок группы «Облом», они замутили музыку и рубили «Терроризм» на рок фестивале «Скала» летом 2008 года...

Володя не давал санитарам бить буйных больных. Я помню, был там один клоун, Ренар Казанский, он доорался до того, что санитар начал прессовать его кулаками. Психи молчали. Володя успел только в конце. Он дал бедному Ренару попить и вытер кровь у него со рта. Потом подошёл к санитару и спокойно сказал: «Если такое ещё раз повторится, я тебя буду бить, и мне всё равно, что со мной потом сделают, можете потом бросать на

72

Записки из дурдома

вязки, колоть уколы. Мне насрать.» Санитар был здоровый, в два раза больше него, но посмотрел и положительно качнул головой. Больше такого на моей памяти не повторялось...

Я знаю, что жизнь делит нас на сильных и слабых, но если ты слаб, это не повод, чтобы сдаваться без боя.

У всех такое бывало?.. Жизнь бросает лицом в грязь, а ты от этого становишься только злее! Держишь удар!.. Надо держать удары. Иначе, зачем жить? Да и как?..

«То, что нас не убивает, делает сильнее», — говорил Егор Летов, а он-то знал, что говорит. По крайней мере, при любом раскладе есть смысл бороться до конца, идти до последней черты, до самого конца, для того, чтоб потом не было повода усомниться: а сделал ли я всё, что мог.. Жизнь набивает мозоли на наших руках. За жизнь надо рубиться. Тем она и ценна.

* * *

73

Андрей Vilesik

Обычное утро

«Ещё одно утро, ещё один повод
сделать вид, что у нас всё ещё
впереди»
(Наув).

Открыл глаза раньше, чем обычно, и секунд десять не мог сориентироваться, где нахожусь.

Попутал, как это часто бывает в больнице, думал сначала, что дома, потом, что в общаге. Потом посмотрел на побеленные стены, на решётки и сообразил... дурка... пятое отделение. Встал с кровати, посмотрел в сторону соседа по койке... Гад лунатил всю ночь и чуть не наступил на меня, выспаться толком не дал. «Гад!» — подумал я. Сейчас убогий сладко спал и наверняка уже не помнил своих полуночных шатаний. Я вышел в коридор. Мне навстречу в конец коридора гусарской походкой шаркал тяжёлый, вроде Валера его звали, пусть так и будет, гусара в нём напоминали чайного цвета кальсоны и футболка с длинным рукавом плюс огромные усищи. «Добрый вечер», — обращаясь ко мне, сообщил псих и улыбнулся. Я потёр заспанное лицо, посмотрел в окно, вроде полпятого утра, ну чёрт с тобой, вечер так вечер, и положительно кивнул. Следом откуда-то из дру-

Записки из дурдома

гой палаты вышел афганец Володя. Псих пожелал доброго вечера и ему. «Добрый вечер?.. Доброе утро!» — поправил Володя, но тот отрицательно качнул головой и повторил, что вечер добрый.

— А утро не доброе?.. — засмеялся Владимир.

— Добрый вечер! — последний раз подтвердил псих.

— У тебя всегда добрый вечер! — сказал кто-то из санитаров, проходя мимо.

Для психов, действительно, вечер добрее любого другого времени суток. Что для дурака утро?.. Утро — это череда уколов, капельниц, осмотр бригады садистов — врачей, запихивание таблеток в глотку санитарями, прочие «удовольствия» и хуже того — это ещё один день борьбы с собственными страхами... и никогда не знаешь, чем и где он закончится: в лучшем случае — под капельницей, в худшем — на вязках или в реанимации... всякое бывает, а вот вечер действительно добрый, движуха в сортире, тяжёлые шаркают по туалету, выпрашивая окурки, в какой-нибудь палате уже собралась большая компания, отправили гонца за кипятком к санитарам. Потом мутят чифирь, высыпают две пачки чая в пластмассовую термостойкую бутылку, заливают кипятком, закрывают крышкой, взбалтывают и дают пять минут на-

Андрей Vilesik

стояться, потом выливают в кружку и пускают по кругу. Вечер для психов — это конец дневного трэша, какая-то эфемерная надежда на то, что, уснув, мы проснёмся завтра нормальными людьми...

* * *

В тот день на территорию дурки занесло телевизионщиков. Не знаю, каким образом, но они как будто прочувствовали момент, пришли вовремя, одним словом. Человек семь-восемь больных выползли из отделения вместе с кухаркой. Они ждали грузовик, который развозил по отделениям бидоны с харчем. Бидонов, как правило, было три: один с супом, а там либо борщ, людоедное, либо капустная какая-нибудь баланда, потом второе — пюре или каша, или та же капуста, только тушёная, ну и компот, либо кисель, либо чай. Бидон с супом обжигает руки, поэтому повара несли в руке рабочие перчатки. Вышли и сели на раздолбанную железную штуковину, которая когда-то была скамейкой. Те, кому сидячих мест не хватило, шаркали ногами вокруг. И вот телевизионщики, с камерой. Подошли к психу и давай его спрашивать... Ну, простые вопросы, по сути. Как живётся? Не обижают ли? На камеру снимают, тот отвечает, что всё, мол, нормально.

76

Записки из дурдома

И спрашивают напоследок: а чего не хватает в больнице? Чего хочется? Чувак подумал секунду и говорит: «Пельмешков бы...» А потом этот выпуск новостей случайно по телевизору в отделении в столовой увидели все. Правда, киногоерой был не из нашего отделения. Но в следующий раз, когда за бидонами я выходил с Володей, он случайно этого мужичка увидел. Подошёл к нему, пожал руку, по плечу похлопал и говорит: «Звезда!», а потом добавил, шлёпая губами, как бы передразнивая: «Пельмешков бы», и улыбнулся.

Мечтают люди о простых вещах, которых в обычной жизни даже не замечаешь, — пельмени. Вон в магазине, в пяти шагах от дурки их целая гора, замороженных, а в чипке на территории есть даже варёные, только откуда у тяжёлого деньги на варёные-то. Хотя я больше любил пряники, на свободе вроде бы нафиг не нужны, а в психушке — деликатес, не иначе...

77

Андрей Vilesik

Часик

Одно дело, когда ты свихнулся на почве своей херовой или, как минимум, не соответствующей твоим представлениям жизни и периодического недотраха (ну или, я не знаю, на каком фоне может ещё флягу сорвать), и совсем другое, если родился с этим. Звучит как-то буднично, а на самом деле страшно. Страшно родиться слепым, глухим, одним словом, неполноценным...

В дурке был один парень по кличке Часик.. Своё прозвище он получил, когда только прибыл в больничку, его заперли в палату для тяжёлых и вновь прибывших... Палату №6 запирают на время обеда или сон-часа и выпускают дураков только в туалет, если заметят желание, а иногда не выпускают вообще... Вот и стоит такой бедолага рядом с дверями и стучит в непробиваемое стекло, чтобы запалили его санитары... Часик тусил постоянно рядом с дверью и задвигал каждому, кто так долбился: подожди часик, подожди часик... Отсюда и погоняло — Часик. Я сначала осторожно к нему относился, так как боялся, всё же неадекватно парень выглядел, но однажды он подсел ко мне на кушетку в коридоре.. и заговорил со мной. Мы познакомились, и я понял, что

Записки из дурдома

Часик отличный чел, добрый и главное, ему было, что порассказать. Он был инвалид с детства, получал пособие какое-то, ну и подрабатывал на стройке то разнорабочим, то что-то шпаклевал и красил. Одно время нас отпускали в так называемый больничный клуб за хорошее поведение. Чем примечателен клуб?.. Там дают возможность рисовать карандашами и красками, есть гитара и настольный теннис. Тусили мы как-то в этом клубе. Я взял гитару и на память сыграл песню группы «Танцы Минус». «Из Ленинграда»... Часику понравилось. Он сел рядом, взял баян и офигенно забацал на нём какую-то тему... Вообще, он влетал в дурку, как я понял, довольно часто, весной и осенью, в период обострения...

Андрей Vilesik

Двуликий Янус

Уродство наше было внутренним, а следовательно не для каждого человека заметным... но ведь были люди физически уроды и крыша у них съехала на фоне этого. А что вы вообще знаете об уродстве?.. Каждый день просыпаться и видеть в зеркале страшное двуликое истекающее слюной и соплями лицо... точнее два лица.. Не задумывались?.. А как жить когда от тебя из-за этого уродства отвернётся родная мать и все на этой земле?.. Единственное место, где от таких людей не шарахаются, как от прокажённых — это отделение номер пять. Ведь не важно в чём твой косяк.. наша общая беда, то, что заставило смотреть на других как на равных, научило сострадать... научило помогать друг другу, это наше сумасшествие... вот и всё.

В больнице был один хороший чел, я знаю, что кроме меня о нём напишут лишь в больничной карточке. Он был огромных габаритов, поскольку мало двигался и никуда не выходил из дому... Я не знаю, как его звали. Двуликий Янус.. В его лицо невозможно было смотреть не отворачиваясь, у него было два лица, одно сплющенное и разма-

Записки из дурдома

занное сбоку головы, мёртвое. За полгода к нему приходила только его бабка, очень преклонного возраста, кормила его чем-то, а я стоял в конце коридора и думал: ещё несколько лет и умрёт единственный человек, которому не всё равно, который не отвернулся от инвалида, и останется бедняга на этом свете один. Нет ничего страшнее одиночества.. Бл*ть, вашу мать, а ведь он даже не виноват, он от рождения такой... Понимаете?.. Где справедливость тогда?.. Где был бог? Или у него был выходной в тот день?.. И останется этому доброму от природы парню, проплавав все слёзы, вскрыть себе вены или затянуть петлю на шею.. а это не хеппи энд.

Во мне уже тогда в дурке, порой, возникало сильное желание зафиксировать то, что я видел. Я хотел сохранить хоть что-то о тех людях, ведь многих из них сейчас уже нет в живых. Хотел и хочу рассказать о них не как о психах, не как об умалишенных, ни для того, чтобы над ними, и надо мной за одно, посмеялись. Просто они были... живые, непохожие... со своими мыслями и переживаниями, и я никогда их не забуду. Все

Андрей Vilesik

мы люди, все мы разные... не замечать проще, проще вообще не думать... Только, что это меняет? Я не хотел и не хочу делать вид, что не замечаю этот мирок размером, как небо над моей головой. Только как сохранить то, что нельзя сфотографировать, зарисовать или записать, по крайней мере, это довольно проблематично, но есть память, моя память, никогда не подводившая, безжалостная память, сохраняющая всё до секунд, слова, события и многое другое...

Один мой знакомый, довольно хардкорный, в прошлом, парень, судя по рассказам, говорил, что если бы ему дали выбор: жить дальше, как жил, или всё забыть, стереть из памяти, отправиться на маленький южный островок и дать дожить всего год жизни, то он выбрал бы второе. Потому что невозможно порой носить в себе то, что сохранила наша память. «Она память, она блядь, если надо она снова начнёт стрелять...» (Яйца Фаберже)...

Записки из дурдома

DEATH

Жизнь и смерть – так устроен
наш белый свет.
(Луна-Парк)

Лежал в конце коридора, а коек там стояло штук десять спинка к спинке, на всю коридорную длину. Руки вытянул вдоль туловища, а ноги сомкнул... Тори говорил, что в гроб я лягу именно так. В тот период слышал его, как никогда отчётливо. Не пытался разговаривать с ним раньше. Изначально он лишь заставлял меня, отдавал приказы, которые я безоговорочно выполнял. Помню, ещё до того, как лечь в дурку, на квартире моей бабушки, я слышал его голос... Он то бухал у соседей сверху, то выходил на улицу, чтобы покурить с компанией каких-то девок, то куда-то уезжал на машине, возвращаясь через час или два... а в то утро сказал, что у него есть работа для меня и он простит мой косяк, если я её выполню. Был день, часов двенадцать, я побрился и, отпросившись у родителей, вышел на улицу. Я долго мотался по городу, а потом, вместо того, чтобы вернуться, поднялся этажом выше бабушкиной квартиры и нажал на звонок. Мне открыл сосед, наглый молодой еврей, работавший в администрации горо-

Андрей Vilesik

да, за его спиной стояла ещё пара парней... одного я не помню, а второй точно был армянином или татаринном с густыми чёрными бровями и тёмными волосами.

— Чего надо? — спросил сосед.

— Я по поводу работы, — сказал дрожащим голосом (на деле — практически обделался от страха).

— А с чего ты взял, что у нас есть для тебя работа? — засмеялся тот вместе с остальными.

Я пожал плечами растерянно, потом наступило пятисекундное молчание. Они смотрели на меня, улыбаясь, как будто следили за моей реакцией. И вдруг армянин перестал улыбаться и сказал: «Если только на ночь!» Я глянул в его глаза. У него был, блять, ничего не выражающий взгляд, в этот момент страх проник в самые мои кости. Такое ощущение, что наяву разговаривал с самим сатаной. Я попятился, отрицательно мотая головой, а он продолжал смотреть мне прямо в глаза, до тех пор, пока не закрылась дверь...

Так вот, я никогда не пытался заговорить со своим внутренним Тори, а тут лежу после пятой палаты, отошёл немного от впечатлений и спрашиваю про себя: «А за что мне это?» Он сначала молчал, а потом ответил:

Записки из дурдома

— Ты, гнида, друга моего убил, его из-за тебя в армию загребли, в Чечню отправили, а там мы вместе были. Ты ничего не знаешь, а я всё знаю. Его чечены окружили, распяли на кресте, поставили так, чтоб нам видно было, и начали от него живого куски мяса ножами отрезать. Слышишь, от живого, сука. Он кричал сначала, а потом я смотрю в оптический прицел, а он как будто видит меня и шепчет, мол, убей...

— Ты убил? — спрашиваю.

— Да, убил, — Тори кричит. — В сердце лучшему другу выстрелил. С тех пор я слышу и мне на всё пох, на тебя, на себя, на маму твою, на всю твою семью, сдохнешь ты или выживешь — мне пох.

Я продолжал задавать вопросы обо всём: о жизни, о том, что думали обо мне друзья и однокурсники, называл конкретные имена. Он отвечал на все вопросы, он рассказал, что обо мне говорят и что думают другие, кто симпатизирует мне, а кто тихо ненавидит, в глаза улыбаясь, и всегда держит за пазухой тот самый камень. Он рассказал, что Таня, девушка, с которой я тусил до дурки, молится за меня, как за мёртвого, а для своей группы я пропал без вести, никто не знает, где я, никто. Я закрыл лицо руками и зарыдал, это была минутная слабость. Быстро успокоился

Андрей Vilesik

и начал сначала улыбаться, а потом откровенно расхохотался. Я мёртв, суки. Ура! Для них всех я мёртв, и это прекрасно. Они будут учиться, оканчивая курс за курсом, знакомиться, трахаться, жениться, рожать детей. Они, мои друзья и враги, и даже простые знакомые, все, кого я знал при жизни. Я здесь, вне всего этого. Другое пространство, где даже времени нет, вакуум какой-то... И, между тем, я знаю о них, что они будут всё это делать, а они обо мне ничего не знают и не узнают, потому что меня нет. У какого-то философа: за пределами комнаты, в которой мы находимся, нет ничего, то есть лишь наше теоретическое знание о том, что там что-то есть, а на практике это недоказуемо для человека, находящегося внутри той самой комнаты, и его личное пространство ограничивается четырьмя стенами.

Лежал неподвижно два с половиной дня и всё это время говорил с ним, с Тори, с демоном, хотя не произнёс ни слова. Демоны тащат душу на дно лишь до поры до времени, до того момента, пока ты борешься с ними, пытаешься изгнать, но если вести диалог со своим внутренним злом, оно перестанет быть таковым. Надо понять, тебе с этим жить. Взамен получишь откровение и возможность читать других людей, читать, как открытые

Записки из дурдома

книги, необходимо лишь поверить в то, чего нет и быть не может. Берегите мозги, мысли не всегда совпадают со словами.

Слепой

Сказать, что я потерял всё — значит нагло соврать. У меня было многое — глаза, чтобы видеть, мозг, чтобы запомнить и сердце, чтобы почувствовать... Человек, который был лишён первого, лежал в палате №4 у самых дверей. Слепой. Так его звали. На вид ему было лет восемьдесят. У него не было никого. Зашёл заёб у меня один раз, периодически бывало такое, и мне голос в голове говорит: «Дай деду туалетной бумаги подтереться». Я взял бумаги, пошёл к деду и всунул бумажку ему в руку. А голос продолжал: «Мало дал, дай ещё...» Я оторвал ещё бумаги и сунул в сухощавую ладонь. Слепой сначала не понимал, а потом разозлился и прошептал: «Зачем?.. Душа у тебя тёмная». Я пошёл в палату, лёг лицом в подушку и заревел. Потом я много раз помогал слепому, когда шёл на обед, помогал ему встать и дойти до столовой или за таблетками. Я делал это не потому, что я такой альтруист или мне было жалко слепого дедушку. Это нужно было мне в первую очередь. Понял

Андрей Vilesik

именно тогда, что смысл жизни ни в том, чтобы бесцельно прожить свою жизнь. И если бога нет, это не значит, что нет гармонии. Добро, так или иначе, останется добром, а зло, внешнее или внутреннее, останется злом. Оно вернётся к тем, кто его совершает так или иначе, в той или иной форме, вернётся болью и забвением.

Тогда я получил своё погоняло Святой. Так меня называли только в дурке... Как— то мы сидели в очереди на уколы с Серёгой... С этим парнем я лежал в первой палате. Конечно, не за поведение меня перевели на курорт, нет, причина была другая. Нам на днях должны были начать колоть инсулин.

Серёга. Я расскажу о нём. Этот человек искренне верил врачам, он очень хотел освободиться от болезни и вернуться к любимому делу, программированию, вернуться на работу, с которой уволился из-за продолжительного недуга или найти такую же другую. Я тоже не сопротивлялся врачам. Чувствуете разницу? Не сопротивляться и доверять. Так вот, я не сопротивлялся, а Серёга искренне верил. Этим эскулапам, лепилам, что

Записки из дурдома

важно? Чтоб ты подпись поставил на бумажке, мол, они не несут за тебя и твою поганую жизнь никакой ответственности. Подписи мы поставили оба, это происходило в кабинете зав. отделением. Серёга подписал себе смертный приговор, не раздумывая, и вышел из кабинета радостный, а я, я не хотел ставить подпись, но врачаха настаивала, превращала в пыль все мои отговорки. Подсовывала бумажку ближе, чтоб скорее подписал. И я сделал это. Помню, подумал тогда: «Авось, пронесёт».

Серёге курс начали раньше, а я как бы шёл следом. Володя-афганец, узнав, что мы подписали эти штуки, сказал, качая головой: «Отчаянные вы ребята. На инсулин согласились». Серёгу каждый раз привязывали к кровати. Когда дозу увеличили до максимума, парень начал бредить, трясся весь, потел как слон и кричал на всю палату: «Вы меня плохо привязали!» Вязки пытался порвать, психи помогали, держали за ноги и за руки. Серёгу купировали, а он весь в крови, игла скачет, кровь течёт по руке, марает рубашку и простыню. Потом он приходил в себя, дрожал как осиновый лист и сразу становился маленьким, тихим, беззащитным, другим человеком. Короче, закололи

Андрей Vilesik

его иглами и сомнениями, он остался в отделении №5 навсегда. Однажды, медсестра не смогла его купировать, влила лекарство, хлопала по щекам, всё бесполезно. Она обернулась ко мне и закричала: «Беги за дежурной!» Я бежал по коридору, шуршал шлёпанцами, и в ногах была невероятная лёгкость. «Я следующий, я следующий», — эта мысль отрывала меня как ангела от грешной земли.

Кем был Серёга? Программистом. Маленьким человеком в домашнем трико и белой рубашке с коротким рукавом, забрызганной кровью и лекарствами. Он ведь просто хотел вылечиться, хотел выжить, как и я. Не надо было ему доверяться медперсоналу. Нельзя верить людям, тем более врачам, тем более в психбольнице.

Инсулин начали колоть и мне, но когда пришла пора переходить на большие дозы, и я уже попрощался с жизнью мысленно, вдруг вены на руках ушли. Не иначе, чудо. Ни одной не видно. Это означало, что если меня накачают, то купировать, возможно, уже не смогут и мне отменили инсулин.

Так вот мы сидели в очереди на уколы, у Серёги вся рубашка и все руки были в засохшей кро-

90

Записки из дурдома

вище. Подошёл один псих и сказал Серёге: «Смотри, да ты весь в крови, все руки.. ну ты мясник.. Вот компания подобралась Святой и Мясник «. Мы все засмеялись.

Мусорщик Илья Сергеев — кадр похлеще Билли Бонса. Седой дед, всегда был одет в грязный чёрный вязаный свитер с воротом, ватные штаны, просоленную всеми ветрами куртку и кирзовые сапоги, поверх дырявых шерстяных носков. Он был постоянным обитателем дурки. Зарабатывал копеечку на сигареты тем, что выбрасывал мусор из отделения. Происходило это так — Илья вытаскивал пакет с мусором из ведра, обнимал его нежно как девушку и нёс на выход. Когда ложился спать, он снимал только сапоги. От Ильи всегда пахло мусором и сигаретами «Прима». Курил как паровоз. Я хорошо запомнил его руки. В кожу въелась многолетняя грязь, он их не мыл никогда. Илья Сергеев мало с кем общался, держался обособленно как волк-одиночка. Колоритный был дед, тем не менее.

91

Андрей Vilesik

Лёня

Обычный день в психушке прошёл так же незаметно, как и начался. На ужин дали кусок варёного минтая с пюре и булочку с чаем. Вторую булочку я стянул у мужика, который сидел рядом за столом. Этот чел раздавил перед ужином голый рукой какого-то летучего гада на окне, тот его естественно жиганул и руку разбарабанило, поэтому он ежеминутно потирал укусы, и ему было явно не до хавки. После я сидел на кровати в коридоре и наблюдал, как психи в другом конце о чём-то беседуют друг с другом и санитарями. Один дедок в кальсонах предлагал бабке санитарке выйти за него замуж, говоря:

— Выходи... выходи! Заживём. Корову заведём, — и поправлял полиэтиленовый пакет, который надел себе на голову.

— Давай, давай, — соглашалась та, — пойдём...

Двери в отделение неожиданно щёлкнули с той стороны, открылись, и я увидел, как к нам заводят какого-то молодого парня с короткими волосами. Позже я познакомился с ним, его звали Лёня. У него был холодный взгляд, недобрые глаза, в них я не прослеживал безумия или каких-то

Записки из дурдома

отклонений, наверно, у этого парня их никогда и не было. Причин, по которым он попал в психушку, я не знаю, но точно не болезнь, болен он не был, хотя я не врач, конечно. Его отвели в душевую и заставили переодеться в кальсоны и футболку. Потом санитар что-то объяснял Лёне, тот слушал внимательно и в конце кивнул головой, мол, понял. Вечер продолжался... Я встал, перекрестился перед иконой Богородицы и пошёл в сторону столовой, часто заходил в столовую вечером, когда там уже никого, это было единственное место, где можно побыть в одиночестве хотя бы несколько секунд. Бродил между столами и думал о том, о чём обычно думает любой псих — о всякой ерунде.

В столовую передо мной зашёл Лёня. Вдруг я услышал звон разбиваемого стекла. Ускорился и, повернув за угол коридора, увидел разбитое стекло под потолком, через него фигачил холодный воздух, ветер носил по столам салфетки.

— Вот бля, дело пахнет керосином, — сообразил и бросился подальше от всего этого, — сбежал, сука... Я быстро пронёсся по коридору только с одной мыслью, чтобы санитары и ОМОН не застали меня за компанию.

Андрей Vilesik

Навстречу мне пробежала санитарка. Когда я упал на койку и занял наблюдательную позицию, я увидел, как мечутся санитары, они успели уже сообщить дежурному врачу, тот вызывал ОМОН, ну вот, замес. Интересно, этот парень, сиганувший из окна второго этажа, пролетел через решётки ограды с острыми наконечниками или как сосиска висит на них по ту сторону отделения, думал я.

Поистине каскадёрский прыжок. Он поставил у окна сначала стол, потом стул, другой стул взял в руки, кстати, столовая была единственным местом, где не было решеток на окнах, врачи думали, что сигануть в окно, находящееся на уровне полутора метров от пола, под самым потолком не способен никто, хотя после этого случая зарешёттили всё. Так вот, парень, держа один стул в руках ножками вперёд, разбежался, прыгнул сначала на второй стул, потом на стол, а потом, как Александр Иншаков через два стекла на улицу, ёба! Через пятнадцать минут Лёню волокли под руки два здоровенных омовца. Лёня шаркал мокрыми тапками, оставляя грязные следы на полу. Лицо его слегка было изрезано стёклами, но стул явно принял основной удар на себя. Потом его пере-

Записки из дурдома

дали санитарам, те жёстко закрутили ему руки и поволокли в шестую. Я встал и выдвинулся в их направлении, потом сел на кушетку и наблюдал, как героя бросали на вязки, перетягивали ему верёвкой из простыни грудь. Парень сопротивлялся изо всех сил, но как будто не в надежде вырваться, не от отчаянья, а из какого-то спортивного интереса, на его лице была радость и улыбка бойца. Сейчас вкатят в вену огромную дозу лекарств, Лёня выгнулся, как пружина, не давая медсестре попасть иглой по вене. Один из санитаров сорвал крест у него с шеи. И вот сначала одна игла пронзила вену, чел ещё сопротивлялся, потом вторая... последние движения... и конец. Лёня вырубился на три дня. Потом его спрашивали врачи, зачем он это сделал, куда собирался бежать в одних шлёпанцах и кальсонах? Лёня ответил: «Никуда, я просто хотел проверить...»

– Что проверить? – спросила врачиха.

– Можно ли отсюда сбежать! – и улыбнулся злорадно.

После, как оклемался, Лёня проходил мимо моей койки. Посмотрел на церковные книжки, которые лежали на подушке. Мама привезла мне их. Я ещё не листал.

Андрей Vilesik

– Можно почитать? – спросил он. – А то у меня даже крест забрали...

– Можно, дочитаю и принесу, – сказал я.

Лёня в ответ положительно кивнул головой, мол, понял.

Пасха

1 мая. Пасха. Я сидел на кушетке. Санитары переместили её подальше в конец коридора, наконец-то додумались. И теперь на ней часто тусили я с Часиком. Я сидел молча и смотрел в крашеную стену, а Часик рядом, постоянно сучил ногами, болтал и дёргал меня за рукав футболки, акцентируя моё внимание словами: «Слышь, слышь...» Я в ответ кивал, хотя половину того, что он говорил, пропускал мимо ушей, а он продолжал трещать дальше... про каких-то тёлочек, про свою работу маляром, шпаклёвщиком, разнорабочим..., про то, что на деньги, получаемые по инвалидности, ему скоро купят комп...

В отделение в сопровождении санитаря вошёл священник, в руках у него был крест и ёмкость со святой водой. С ним был ещё кто-то, нёс корзину с пасхальными яйцами. К священнику потяну-

Записки из дурдома

лись больные, он каждого крестил, кропил святой водой и давал пасхальное яйцо.

Я сидел на кушетке и смотрел на всё это издалека. Потом священник прошёл по коридору и подошёл ко мне, я продолжал сидеть и смотреть в одну точку. Тот перекрестил меня, окропил, по лбу и за ушами побежали струйки святой воды, потом он протянул мне яйцо. Я поблагодарил. Священник ушёл. Я посмотрел по сторонам, психи очищали скорлупу и жевали яйца.

Вдруг в дверях отделения появились два санитаря, они тащили мужика, один за руки, другой за ноги, мужик извивался, как змея и кричал: «Что вы делаете?.. Куда вы меня привезли?.. Ухо, ухо!.. Яйцо... яйцо...» Когда его затащили в шестую, оттуда пулей вылетел, напуганный криками, Саша Таракан, он пробежал по коридору и забился где-то в углу столовой.

Ещё одного вяжут, подумал я и посмотрел на крашенное в луковой шелухе яйцо. Мимо проходил Володя с ещё парой лёгких и сказал кому-то из дураков: «Видишь, как люди на Пасху с ума сходят». Собеседники засмеялись...

Душераздирающие крики из поднадзорки прекратились. Значит, уже наширяли всяким гов-

Андрей Vilesik

ном — подумал про себя — теперь будет спать дня два, как минимум. Потом я ударил себя яйцом по лбу раз... второй раз... со второго раза разбил, очистил и съел...

* * *

В палату вбежал Часик и начал прыгать между койками, под ритм ремикса на музыку из «В мире животных», ну, собственно он отдалённо и напоминал обезьяну из той старой советской заставки... Мой сосед по палате, пузатый мужик, спросонья молча смотрел на то, как парень хлопал шлёпками по полу, а потом, когда совершенно проснулся, сказал: «Иди отсюда. Прыгай в коридоре». Потом встал, вывел колбасёра из палаты, лёг на кровать, сказал про Часика, как будто сам себе: «Дурак трахнутый», отвернулся к стене и уснул.

Я лежал на койке, глядя в потолок, в таком состоянии находился с самого утра. Тема закончилась и вдруг следующая композиция — новая песня группы «Звери».

До того, как сбежать из города, где учился в институте, я сидел поздним вечером за столом в комнате у гопников Миши и Артёма. Рядом пар-

Записки из дурдома

ни из комнаты ниже этажом, которых я подставил через несколько дней. Натравил на них это чеченское чудовище Руслана, а тогда мы сидели все вместе, бухали, обмывали их поступление на худграф. Миша принёс свою музыку, врубил кассету, на ней были «Звери». «На ночь витамины и легко уснули, снилось, как пингвины плавали, тонули, прыгали с трамплина и на дно тянули, белые пингвины, мы уже уснули». Я закрыл лицо руками.

В дурке слова песни этой группы звучали как-то по-особенному. Оправдывали моё пребывание в жёлтых стенах, объясняли мне простые вещи: ничего не может быть дороже чести, а для некоторых даже смерть имеет чисто формальное значение, есть они, нет их, не говоря о жизни, потому что живут без чести. Лёжа неподвижно на койке психиатрической больницы, отделения номер пять, я слышал звуки гитар группы Ромы Зверя, слова его новой песни:

Быть собой и ни о чем не жалеть.
Вот и все, просто запомни меня.

Андрей Vilesik

Я шёл на поправку, если это можно так назвать, то есть хорошо себя вёл и сообщал лечащему врачу во время осмотра, типа, ничего не слышу, ничего не вижу, ничего никому не скажу. Хотя слышал, в принципе, то же самое, вот только голоса во мне стали немного сдержанней и появлялись реже. Чем больше я помогал больным и медперсоналу, чем больше мыл полы и работал, таскал утки для больных, помогал ставить капельницы, тем меньше меня мучило то, что, поначалу было просто невыносимо. В тот момент я и познакомился с Юрой. Он сидел на кушетке в первый день прибытия. Я взглянул на него и увидел вдруг себя. Он смотрел в одну точку и ни с кем не разговаривал, он и потом ничего никому не рассказал, так же как и я. Молчание было одним из условий безумной игры. Не знаю, как это объяснить, оно добавляло силы. Я не верил во врачей и лекарства, которыми меня накачивали, но делал всё, что мне приказывали. Меня не нужно было заставлять, делал даже больше в плане трудотерапии, как они её называли... Я молчал.. и когда мне становилось совсем херово.. шёл работать..

Случайность помогла узнать мне о судьбе Юры. Меня позвали к главному врачу по какому-то делу, а следом вдруг зашла медсестра и начала

Записки из дурдома

разговаривать с врачом, рассказывать о новом, вновь прибывшем больном. Его доставили прямо со службы в армии, в Чечне. Во время атаки, их было пятеро, пятеро солдат, пятеро друзей. Они делали рывок, прорыв и Юра, бежавший первым, провалился во вражеский окоп... А прямо перед окопом прогремел взрыв и всех, кто бежал за ним, всех четверых его друзей, разорвало на куски, а его даже не оцарапало. Крышу сорвало бы у любого на его месте.

Когда мне оставалась неделя до выписки мы с Часиком и Юрой ходили в клуб. Играли в теннис, разговаривали. Мне показалось в тот момент, что нет этих сраных общаг, войны, нет врождённых болезней и болезней вообще. Есть только мы трое, эта комната, забитая картинами и рисунками, теннисный стол и мы, как в детстве, когда не умирали друзья, не бросали девушки, не было боли, не было обиды, не было ненависти.

Судьба дала возможность пересечься ещё с одним парнем, он тоже служил в Чечне... только она не сломала его, как Юру. Не помню его имени, да это и не важно. Он рассказывал, как они отбивали друга из окружения. Парня окружили боевики,

Андрей Vilesik

и он яростно отстреливался, бился из последних сил... На помощь пошёл ещё боец, полз и отстреливался... Когда дополз, то сам оказался в кольце, и вот в окружении уже двое, а вытаскивать парней надо... и вели в той стычке огонь до самого конца.. «Либо они, либо мы — война такова...», — говорил парень.

Он не испытывал ненависти к чёрным, хотя были в отделении и такие. Он говорил: «В партизанской войне победить невозможно... Днём они торгуют арбузами, а ночью ползают с автоматами, обстреливают блокпосты...»

Необъяснимая сила, появляющаяся просто так, с ровного, позволяет человеку переломаться даже в самой говённой ситуации, пройти через всё и жить дальше. Есть ли ей название? Даже сейчас не уверен, что знаю ответ на этот вопрос. Могу сказать лишь за себя. Тогда, в психушке, я точно знал ради чего всё это, ради чего глотаю пилюли, ради чего валяюсь под капельницами и терплю уколы, от которых потом нет живого места на руках и на заднице. Выжить назло всем и вернуться, просто для того, чтобы доказать всем и самому себе в первую очередь, что сильнее все-

102

Записки из дурдома

го этого. Дурка — испытание, пройдя его, становишься сильнее.

Что это?
Середина?

Рывок через границу, трансгрессия или порог общего отделения, который я переступлю ещё не раз? «Дверь в небо. Кто-то носит в кармане ключи» (Distemper). Возможно, это пара минут свободного времени, чтобы посидеть с Часиком на скамейке, послушать и узнать от него, что где-то здесь постоянно гуляют две симпатичные девчонки и о том, что не мешало бы сейчас с ними познакомиться, но сучки, как назло, не идут... Часику приходится довольствоваться моей компанией, а я сижу и толком даже разговор поддержать не в состоянии. Залипаю на жёлтые стены здания, залитого светом. Из-за угла виднеется другое — из красного кирпича — это реанимация, я с лунатиком как-то таскал туда носилки, и ещё отделение строгого режима. Свиданки с родными там запрещены, палаты больше похожи на камеры, вот где пациенты похардкорнее меня и Часика.

103

Андрей Vilesik

Интересные в медицинском плане ребята, не банальные. Неоднократные нападения на врачей и санитаров, соседей по палате, агрессия по полной... Об одном таком я случайно услышал разговор в кабинете лечащего. Дьявол сказал парню убить собственного отца так как от него всё зло, мол убьёшь и голоса прекратятся. Пока за ним скорая ехала, он бегал по квартире, ножи искал.

Бред

Овивает странной сладостью
Тень таинственного сна.
Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдёт луна.

(Луна-Парк)

Лежал я под каким-то лекарством, которым заменили инсулин несколько дней назад.

За то, что его отменили, благодарил бога и главврача. Лекарство ночью, во время сна, повышало температуру до сорока градусов. Не знаю его принципа действия. Мне было пох, главное, что не инсулин, смертельная, к тому времени почти во всей стране запрещённая штука, под которой люди впадали в состояние комы. Задача медсестры — довести человека до самого предела

104

Записки из дурдома

и резко купировать десятком шприцев с какой-то живительной мутью в вену. Были случаи, психи рассказывали, что людей не удавалось купировать, они превращались в живые овощи и их увозили в реанимацию. Любая херь, только не инсулин, думал я, послушно оголяя задницу перед уколом. Когда ночью температура поднималась до максимума, я весь, как ящерица, покрывался холодным потом. Сильно знобило, чувствовал это даже сквозь сон. Действие лекарства на этот раз достигло пика в четыре часа утра. Спал и меня давили кошмары. Мне снилась общага, 501 комната и я, лежащий с закрытыми глазами на кровати. В двушке я был один. Лежал и слушал, как уже полчаса в блок ломилась банда уродов, бухих в жопу. Дверь, хоть и выглядела хлипкой, но держала, что надо. Пьяный сосед Женя от таких звуков явно обалдел, встал и вышел в коридор блока, потом щёлкнул замком. Отморозки завалялись всей толпой в блок.

— Рыжий дома?.. — заорали они.

— Не знаю, — спокойно ответил помятый Жека.

Они подошли к моей двери. Если начнут ломать, этой фанере будет достаточно пары ударов, чтобы слететь с петель.

105

Андрей Vilesik

— Ладно. Пошли, пошли... — услышал я голоса Миши и Артёма.

— Да там он, сука! — вмешался голос гопника Юры.

Юра был шакалом. Если бы за его плечами не маячили два здоровенных быка, он бы вряд ли сейчас так геройствовал у нас в блоке. Потом последовал первый удар ногой по двери. Замок выдержал. Полетели на пол куски штукатурки и щепки от косяка. Рифма напросилась сама собой: «Последнее слово, надломлена дверь, рифмую лажово, зато прямо в цель». Я отвернулся к стене. Второй удар — и петли слетели, петли, не замок. Первым в комнату влетел шакал Юра с весёлым выражением лица, просто я повернулся и видел его улыбку. Не зря, выходит, подонок ломал дверь. Следом завалились Миша и Артём.

— Бля, я руку в кровь разбил об твою дверь, пока стучал, — заорал Миша. — Дай, чем вытереть.

Я поднялся с кровати и протянул полотенце.

— Хуле не открывал? — обняв своими огромным ручищами спинку стула, спросил Артём.

— Плохо стучали, — ответил я.

— Я тебе в следующий раз в будку постучу! — заорал Артём.

Потом успокоился немного и продолжал:

Записки из дурдома

«Пожрать есть?» Не дожидаясь ответа, развернулся на стуле и открыл холодильник. Там было пусто. На второй полке стояла тарелка, в которой остался жир от вчерашней тушёнки. Гопник достал тарелку.

— Что это? — спросил он.

— Жир и тушёнка, — ответил я.

— Жирная тушёнка, — весело поправил Миша Артём зачерпнул рукой всё, что было в тарелке, и отправил в рот, смачно облизав пальцы.

Потом передал пустую тарелку Мише со словами: «Убери, а то всё съем!» Тот улыбнулся и засунул тарелку обратно в холодильник. «Ну, будь здоров», — всё ещё улыбаясь, сказал Миша и бросил кровавое полотенце мне на тумбочку. Потом бэдкомпани дружно встала и вышла. Я с безразличием посмотрел им вслед через расхераченную дверь. Ненависти уже не было, только холодное безразличие к этой мрази. Они, конечно, наверно, изменятся со временем, но не хотелось этих изменений, я бы хотел, чтобы они жили и умерли с этим нынешним лицом, лицом настоящим, истинным... и хотелось бы, чтобы это было вырезано у них на лбу или выжжено, как клеймо для скота...

Я открыл глаза... Сквозь металлические прутья виднелась луна, насколько она была красива,

Андрей Vilesik

за решётками пятого отделения она выглядела ещё лучше, в обычной жизни я редко замечал её, а если и замечал, то не видел в этом ничего особенного. Это всегда так с нами. Помните у М. Булгакова: почему мы так редко смотрим в ночное небо, на звёзды... И всё-таки она прекрасна. Ночная красавица. Я смотрел на неё, преодолевая дрожь, озноб во всём теле, скрипя зубами, поминутно вытирая ручьи пота с лица, смотрел и никак не мог оторваться.

Саша Юрист — парень моего возраста или чуть постарше, лежал на соседней койке во второй палате и всё время читал какие-то умные газеты. Человек с царём в голове, я бы так сказал, но это не полная характеристика, кроме царя в голове был ещё и Бог в сердце. Он тронулся умом, хотя это опять не совсем верно, просто был нервный срыв, после смерти матери, она погибла в дорожной аварии. Отец от горя запил, а у парня, которому пришлось организовывать похороны, оповещать родственников, сорвало крышу. Из общей массы психов он выделялся чистой одеждой — синей робой и длинными ухоженными волосами, как у Пола Маккартни в лучшие годы.

108

Записки из дурдома

Юрист помогал одному тяжёлому, неизлечимому Соловьёву. Я думал, может из-за фамилии такой философской. Водил его в туалет и по коридору со стариком гулял. Однажды, в очереди за таблетками Часик зачем-то полез вперёд, расталкивая впереди стоящих локтями и бурча себе под нос: «Это моё место!» Толкнул Соловьёва. Саша Юрист схватил Часика за грудки и крикнул:

— Встань на место, Тиран!

— Это моё место! — бурчал Часик, пытаюсь вырваться, но когда понял бесполезность этой затеи, предпочёл подчиниться.

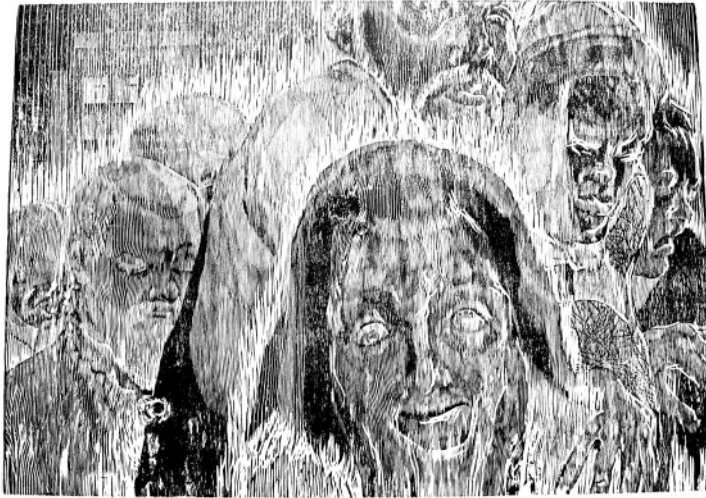
Юрист уважительно ко мне относился, не знаю почему. При встрече всегда улыбался и пожимал руку. Да, наверно, чем-то мы были похожи, вот только умных газет по юриспруденции я не читал.

После выписки Юрист приходил, чтобы навестить Соловьёва. Заодно, подошёл ко мне и в последний раз протянул руку. Свою синюю робу он сменил на гражданский костюм, всё у него было супергуд, только глаза так и остались грустными, ведь боли в них хватило бы две жизни.

109

Андрей Vilesik

Люди

110

Записки из дурдома

Очередь

Рассказать о психушке — это значит обязательно упомянуть очередь. Мог бы я вообще не писать про весь этот трэш, мог бы перечеркнуть в памяти каждый день, что мне и советовала сделать моя лечащая врачиха, навсегда позабыть тех людей; с их мыслями, переживаниями, с их болью, у каждого из них была своя боль, своя история, своя жизнь, приведшая в жёлтые стены, дать возможность времени всё сравнять с землёй, но это неправильно и я так не хочу. Однако, если бы я даже последовал совету медички, я не забыл бы одной вещи, не смог стереть из памяти... Рассказать о психушке — это значит обязательно упомянуть очередь. Длинная, растягивающаяся всегда на пол-отделения очередь за таблетками. Впереди нагловатого вида психи, бывшие в сортире Сашу Таракана и насмежавшиеся над Нищим, санитар суёт одному из них в руки стаканчик с таблетками и второй с кипячёной водой из чайника. Псих закидывает таблетки в рот и запивает водой, но я-то знаю, что таблетки он не проглотил, а спрятал под язык и вечером отдаст их Нищему. Затем швыряет стаканчик об стол, санитар проверяет рот и отпускает, а следом идут ещё люди... За ними идёт Слепой. Я помогаю ему, держу за плечи. Он, как

111

Андрей Vilesik

обычно, осторожно семенит ногами. Отказывается от таблеток. Объясняет санитару, что не хочет пить мочегонку. Для него поход в сортир проблематичное дело, слепой передвигался, правой рукой постоянно касаясь стены. Было дело, коек в коридоре наставили так много, что заставили ими всю стену (больных было валом) и сходить по маленькому с тех пор для него стало целым путешествием. Санитар силой запикивает ему таблетку в рот, дед хрипит и ругается. Потом подходит моя очередь, я без вопросов глотаю таблетки, но как назло вода в чайнике закончилась, запрокидываю голову и глотаю на сухую, мне не привыкать. Показываю рот, санитар просит высунуть язык и тщательно что-то разглядывает там, потом хлопает по плечу и отпускает.

Зачем мы вообще глотали все эти таблетки?.. Ведь я точно знаю, что никому из нас они особо не помогали. Очередь в психушке не за мечтами, не за надеждами на излечение или чудо и даже не за хлебом, она просто есть, нам всем нужно было принять это для себя и не спорить, споры с санитарями всегда приводят без вариантов на вязки. Следом идут ещё люди, их много... Юрист, Серёга-программист... Юрист помогает Соловьёву, он тяжёлый. Про Соловьёва ходили байки по отде-

112

Записки из дурдома

лению, что он профессор в прошлом. Двухликий Янус, рядом с ним Часик. Хлопает парня по животу и говорит: «Нифига ты отъелся», — оба улыбаются. Володя-афганец с ещё одним афганцем, недавно попавшим в жёлтые стены. Второй даже колбасу не может жевать, так его наширяли успокоительными и ещё черт знает чем за то, что он домой звонил по чужому сотовому и просил забрать его из дурки. Володя тогда заступался за него, но один хрен, на вязки кинули, на уколы. Вот и Таракан, санитар осторожно даёт ему горсть таблеток, заставляя Сашу бесполезно, ему всё равно, терять нечего, и эта странная, не ограниченная ни стенами больницы, ни силой санитаров свобода поражала всегда, ещё стоят люди и чем дальше в очереди, тем тяжелее... Очередь бесконечна и у меня порой создавалось впечатление, что мы все, не только всё отделение, но и все люди стоим в этой очереди, по сути своей бесполезной, просто она есть и всё.

И нам надо было принять это и не спорить, все стоим в этой очереди, каждый со своими тараканами в голове. Общество больно и если кто-то не признаёт, не хочет замечать нас — симптомы этой болезни — на улице, в магазинах, на работе, не хочет признать своё с нами равенство, тот про-

113

Андрей Vilesik

сто обманывается и в этом, наверно, счастлив. Ведь каждый считает, что он здоров и с ним ничего произойти не может, ни при каких раскладах. Чтобы утвердиться в этом, подчёркивает недостатки, косяки, внешние физические, а если они заметны, то и душевные травмы других людей. Так проще жить, так больше уверенности в том, что сам не окажешься в жёлтых стенах. Только я скажу вот что: клетки шизофрении и других расстройств есть в каждом человеке, в каждом без исключения, сумасшествие есть в любом. На сто процентов не защищён никто, поверьте шизофренику. От этого нет лекарств. Просто посмотрите вокруг, а потом посмотрите, наконец, в себя, проанализируйте свою жизнь. Всё ли внутри адекватно?.. Многое тогда встанет на свои места. Смотрю на людей, и мне становится страшно.

На стене, напротив врачебных кабинетов, висит несколько до тошноты однообразных плакатов. Мерзкие, глянцевые, двухцветные бумажки примерно следующего содержания: «Душевнобольные. Кто они?», или «Как распознать заболевание на ранней стадии». Да никак не распознать,

114

Записки из дурдома

на медицинских форумах пишут, что человек установивший «от чего бывает шизофрения, получит Нобелевскую премию», врачаха как-то говорила тоже самое.

Что такое сумасшествие?.. За других людей не скажу, только за себя. Для меня персонаж этой книги — Тори так же реален, как любой ныне живущий человек. Никто не убедит меня в обратном, мол, это плод моего больного воображения. Я замечаю его присутствие повсюду, в матерных надписях на стёклах замёрзших, запорошенных снегом машин, в каракулях на стенах типа «пошёл ты на ***». Если даже допустить, что его нет, кто-то же мне звонил периодически два года с неизвестных номеров. Да, набирал мой телефон ночью и слал меня по известным адресам. Вopil: «Да будь ты проклят!» или «Ты кто такой?». Кто-то же орал на меня рядом с подъездом моего дома, мол, ты сука и гнида. Этого человека я видел на расстоянии пяти метров от себя. У меня слуховые глюки, а не видения, и парень был самым настоящим. Тогда я просто зашёл в подъезд, мучимый голосами, так и не узнав, почему я «сука и гнида». Часто среди пьяного ночного ора под окнами, прислушавшись, могу различить его истеричный крик. Тори реален, как любой из нас. Могу

115

Андрей Vilesik

жизнью собственной поклясться, что где-то есть дыра, в которой он живёт, ненавидимый и проклятый такими, как я. У него есть своя компания. У него есть кровь и плоть.

Сумасшествие — это реальность, какая она есть, без масок, без прикрас, без попсовой иронии, которой пропитаны сценические и книжные образы психов. Если мы все носим маски в метафорическом плане, то в психбольнице их нет, они ни к чему людям потерявшим всё.

Это свобода от социальных норм, здесь нет штампов, здесь нет границ, кроме решёток, но сознание твоё никто не зарешетит. Так ведь?

Это одиночество реальное, умирать-то нам поодиночке, даже если вместе. Там, с другой стороны, ты ведь тоже одинок. Правда в том, что каждый из нас одинок, никто не хочет знать правду, проще принять на веру обман. Все лгут. Так значит одиночество... В дурке ты просто один, там каждый сам по себе и каждый сам за себя.

Безумие — это откровение перед окружающими, перед собой, перед миром.

Это моё настоящее, прошлое, будущее и мне с этим жить. Вот что такое сумасшествие. Нобелевской или любой другой премией можете подтереться.

116

Записки из дурдома

Но силы войск были примерно равны.
(Ночной Дозор)

Перевели в палату для выздоравливающих. Она была платной и находилась за пределами основного коридора. Лежал на койке, много спал, иногда слушал кассету на маленьком мафоне. Там я познакомился с одним мужиком, на вид ему было за сорок, среднего роста, крепкий, он попал в дурдом по синьке. Рассказал мне, что четверть своей жизни провёл в тюрьмах и лагерях. Сейчас у него уже была своя фирма, лесопилка, приносящая немало денег... А когда-то этот мужик сам валил лес. Он говорил, что валить деревья всё лучше, чем парить вшей на нарах. Работа тяжёлая, но, что поделаешь... Однажды на лесопилке к зекам вышел из леса старик. Старовер посмотрел на мужиков и сказал: «Давайте я вас чаем угощу». И отсыпал узелок заварки. Заварили. Чай был полностью на травах. «Такого вкуса не пробовал никогда, ни до, ни после», — рассказывал сосед по палате, а чифирист он был хороший, как я заметил. Старик тот так и ушёл обратно в чащу. Может это был сам Леший, хозяин леса.

117

Андрей Vilesik

Я смотрел на мужика, бывшего зека и понимал, что каким-то непостижимым образом этот человек не дал тюрьме уничтожить себя, убить в себе человеческое, не сгнил на нарах, а наоборот сумел использовать опыт, который можно было извлечь из сложившихся обстоятельств и потом, на свободе, обратил эти знания в дело... Привлёл людей, старых знакомых (в бизнесе они надёжнее чем кто бы то ни был и про лесоповал знают не понаслышке), закупил оборудование.. То есть вернулся на свободу и добился всего, что могла дать эта, по началу загнавшая в тюрьму, жизнь... А сколько таких умельцев в нашей необъятной стране — и не сосчитаешь. Не все за решёткой конечные люди, просто иногда имеет смысл поговорка «от сумы и от тюрьмы не зарекайся». А если подумать, то ведь и я не планировал при поступлении в институт, да и вообще не планировал, загреметь в жёлтый дом. Чаще, не мы такие, а жизнь такая, гнёт к земле и только от нас зависит сломаться или нет. Если из тюремного заключения можно извлечь положительный опыт, то из дурдома тем более. То, что нас не убивает — то нас делает сильней. И это не пустые слова...

118

Таракан

Андрей Vilesik

Я считал дни, а их оставалось всё меньше и меньше. За окном растаял снег, светило солнце и пробивалась сквозь прошлогодний сухмень молодая зелёная трава. Смотрел на это всё «и какое-то чувство, что-то вроде надежды», впервые поселилось внутри (это не я так точно сказал, просто песня Дельфина пришла на ум).

За железными прутьями маячила моя новая жизнь и, теперь уже точно, вечная битва, только на этот раз силы в ней были равны...

Психи тусили в коридоре. Заика в длинной рубахе весело общался с пузатым мужиком, моим соседом по первой, а потом и по платной палате. Толстому каждый день кололи какое-то лекарство, от которого тот постоянно спал. Редкий случай, чтобы он бродил по коридору. Я проходил мимо, разминая окончательно затёкшие ноги, вообще-то зашёл в общее отделение проведать Часика и Юру, принёс им конфет, и случайно услышал концовку разговора.

— ... Ну т-т-ты крутой! — лепетал заика.

— Это почему? — толстый нахмурился.

120

Записки из дурдома

— 3-з-здоровый, толстый, 3-з-здоровья, наверно м-м-много..., — заика начал заикаться ещё сильнее прежнего.

Пузатый гостил в дурдоме второй раз в жизни. До больницы, как он сам рассказывал, его довела жена, которая мотала ему нервы. Мужик, Саня его звали, был неуравновешенный, заводился с пол— оборота и в споре предпочитал чаще всего аргументировать кулаками. В этот раз жена твёрдо решила развестись, поскольку Санёк помимо прочего периодически закладывал за воротник. Решила уйти, забрать двоих детей. От такого расклада у него сорвало башню...

— Я не крутой! — улыбнулся пузатый.

— А к-к-кто крутой?.. Кто круче т-т-тебя? — понёс ахиною заика и почесал свои длинные растрепанные, торчащие в разные стороны волосы.

— Кто?.. Бля, понятно кто здесь самый крутой! Вон Саша Таракан крутой малый! Круче некуда!

— Он говорит н-н-непонятно... непонятно то есть, что говорит, — расхохотался заика.

— Это тебе не понятно, — продолжал Саня, — а нам всё понятно.

Я почему-то запомнил этот диалог.

121

Андрей Vilesik

Когда меня перевели в платную, я получил возможность без палева выбираться в коридор для медперсонала. Там было небольшое пластиковое окно в углу коридора. Из него можно было разглядеть всю столовую как на ладони. Так вот, стоял я как-то в коридоре и смотрел в сторону кабинетов врачей, чтобы, если что, суметь вовремя слиться. Здесь ощущение свободы было как-то острее, чем в общем отделении. И вдруг вижу — в пустую столовую забрёл Саша Таракан. Он увидел меня, подошёл к окну, приложил правую ладонь к стеклу и начал, как всегда, что-то говорить мне, по-доброму так, улыбаясь, говорил, говорил без остановки, а вторую руку закинул себе на голову. Как будто он радовался за меня, искренне радовался моей свободе, чувствовал её вместе со мной. Таким он остался в памяти. Это был последний раз, когда я его видел. Тогда я улыбнулся ему в ответ через стекло и помахал рукой, а он помахал мне. Было ощущение, что этот умалишённый святой благословил меня на всю мою оставшуюся жизнь, перекрестил, как Косьма Юродивый...

И спросили Господа: «Кто согрешил — он или родители его?» И Господь ответил: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии». Иногда по ночам,

Записки из дурдома

устав от повседневной жизненной гонки, я пытаюсь поговорить с ним, я шепчу ему: «Саша! Давай отдохнём!» Когда я был в Верхотурье, я боковым зрением увидел икону, а с неё так знакомо, по доброму улыбался мне святой, я спросил отца: «Кто это?» Он ответил: «Это Косьма». С тех самых пор я всегда знал, кто смотрел на меня с этого лика... «Саша! Давай отдохнём! Я так устал...»

* * *

Платная палата. Последние дни моего пребывания в дурдоме... Мне разрешили пользоваться карандашами. Врачиха сказала, что рисование полезно для моего восстановления. Я нашёл в одной из тумбочек стопку газет, на страницах которых были изображены какие-то люди; производственники, спортсмены и прочие звёзды местного масштаба — газеты были областными. Потом родители привезли угольки, сангину и рисовать стало проще. Всё это делало моё пребывание в жёлтых стенах короче, а окружающее мягче, что ли. Рисовал мужчин и женщин, их улыбающиеся лица, и время за этим занятием шло быстрее. Те люди, которых перерисовывал, они ведь тоже не знали, что какой-то незнакомый парень, псих из дурки, измарал их изображениями огромное ко-

Андрей Vilesik

личество бумаги... Помню, когда я только попал в больницу, пытался рисовать на туалетной бумаге, хотя сейчас воспоминания об этом настолько расплывчаты, что я с трудом верю, возможно, этого не было вовсе. Со мной в палате лежало два человека, а в самом блоке было три палаты. Один из моих соседей, пожилой мужик, маленького роста и с седыми волосами подошёл как-то раз и протянул фотографию. С этой старой фотки, хранившейся в его кошельке, которую не выудили при поступлении санитары, улыбались дети.

— А кто это? — спросил я.

— Мой сын и моя дочь, — ответил мужик. — Нарисуй крупнее, углем.

Положительно кивнув, я достал из тумбочки лист писчей бумаги, приступил к работе.

Мужик лёг на свою койку и начал откровенничать, мол, до выписки ему остался один день.

— Родственники заберут? Жена? — перебил я.

— Жди да радуйся, никто ко мне не придёт. Жена меня сюда и уpekла. За то, что я одеколон пил, сдала меня в дурку. Так поместили бы в отделение для наркоманов и алкашни, а не по этой части. Это ведь для чокнутых отделение...

— Познакомился, — продолжил мужик, — с ба- тышкой из церкви, которая как раз за этим кор-

Записки из дурдома

пусом расположена, рассказал ему, что да как, он хоть деньгами помог на билет до дома.

Изображение получалось довольно похожим, я начал тушевать фон.

— А дети где?.. — перевёл взгляд от картинки к фотографии, а потом передал ему и то, и другое.

— Далекo отсюда живут, — мужик аккуратно убрал работу в тумбочку, а фотку спрятал в лопатник, после чего крепко пожал руку и благодарно улыбнулся. На следующее утро его выписали...

Под утро очень хотелось в туалет.. казалось, что мочевой лопнет, затопив всю палату.

Однако, в туалет через блок я идти не торопился, лежал тихо, не двигаясь. Из-за стен раздавались странные звуки, такое ощущение, что разговоры по мою душу. Страшно, песец. И отлить к тому же хотелось нестерпимо, всё сильнее и сильнее. Казалось, что соседи по палате кучкуются, чтобы дружно трахнуть меня. Господи, я же не сделал им ничего плохого... Голоса усилились, потом послышались шаги в коридоре. Я забился в угол между койкой и стеной, сжался в комок, а рукой надавил на низ живота, чтобы продлить

Андрей Vilesik

хоть немного свои муки. Мысленно уже представил, как моча потечёт по ногам в тот момент, когда зайдёт санитарка и прощай выписка, здравствуй поднадзорка. Такое ощущение, что не мочился всю жизнь. В коридоре кто-то ходил. Чёрт бы их побрал. Полпятого утра. Почему они не спят?.. Психи. «Дожить до рассвета», — есть такой рассказ у Быкова, пришёл на ум именно он. Ещё полчаса позади. Кто-то приблизился к двери. Я крепко зажмурил глаза. Замок щёлкнул и... санитарка с градусником. Всакиваю с койки. Быстро иду через блок к туалету. Едва успел, пока доставал, облил руку, но уже не важно. Вернулся. Поставил градусник, заварил чай. В коридоре появился заспанный сосед по палате.

— Чего не спали? — спрашиваю.

— Да новенькому плохо было, молол мне какую-то херню всю ночь, не выспался из-за него, а под конец вообще обоссался под себя, — объяснил мужик.

— Понятно, — вслух говорю.

Про себя думаю: выходит, что весь этот ночной замес лишь в моей больной голове, опасности не было изначально. Тишина снаружи, внешне, трэш внутри. Мой страх, он никуда не делся,

Записки из дурдома

а ведь мне пара дней до выписки. Потом я взял ведро со шваброй и пошёл затирать мочу.

* * *

Тёплый был день, по-летнему тёплый. Солнце проникало сквозь решётки в туалете и отражалось от белого кафеля. Я зашёл отлить, а после надолго залип у окна, засмотрелся.

Природа брала своё, оживала и радовала глаз, даже в этом гиблом месте.

Следом за мной в туалет завалился мужик из соседней палаты. Бывший зек. Ну, про него я уже рассказывал вроде. Закурил и тоже глянул в окно.

— А ты из-за чего здесь? — спросил он. — Я вот по синьке, тут всё понятно, а ты?

— Я голоса слышу, — улыбнулся я в ответ.

— Как это? Нет, я просто хочу понять, сам такого никогда не слышал. И что они тебе говорят?

— Много чего говорят.

— Например? — не унимался мужик.

— Говорят, что мне делать, приказывают.

Мужик взглянул на меня недоверчиво, как будто хотел определить по моему выражению

Андрей Vilesik

лица, вру я или нет. Потом затынулся, хотел что-то добавить, но не стал.

В тот же день к нам в блок кинули мужчину лет тридцати пяти, из крутых, весь на понтах, скорее по привычке. Хотя, на удивление, он оказался совсем не борзым, просто знал себе цену. Мы познакомились. Он рассказал, что отлежать ему здесь надо неделю, чтоб получить справку, мол, дурак, и тем самым замять дело по бизнесу. Yes, yes, какой крутой замес! (Noize MC)

Твердил, что партнёры хотят его кинуть на деньги, пока он в дурке.

— Успевают, суки, урвать побольше! — ругался мужик. — Надо сваливать отсюда, пока не поздно. Хрен им всем в сумку!

Мужик из соседней палаты, как раз в этот момент, пристал ко мне со своим телефоном: «Пополни мне счёт. Вот карточка мегафоновская. Не умею». Я уткнулся в карточку, изучая инструкцию. Парень перехватил у меня телефон, карту, глянул раз и парой движений пополнил счёт.

Неделю он так и не вытерпел, провалявшись дня четыре перед телевизором, получил справку и свалил, оставив нам после себя полный холодильник...

Записки из дурдома

Не всегда в дурдом приводит сумасшествие, иногда такие вот жизненные заморочки, хотя чаще желание закосить от армии. Во время моего пребывания был один такой дурак, «защитник родины», морда, что жопа, а этот случай с крутым, наверно, всё-таки единичный.

* * *

Вскипятив чайник, облепленный изнутри толстым слоем накипи и включив кнопку «play», я лежал на койке и слушал записи «Гражданской Обороны». В моём распоряжении было всего три кассеты, видимо, первые, попавшиеся под руку родителям, когда они собирали для меня из дома мафон. По воле случая в этот список попала «Гражданка»... чему я был очень рад, когда получил передачку. До выписки мне оставалось два дня. В соседнюю платную палату положили какого-то шального парня. Этот малый до больницы копил деньги на машину, ну и, считай, уже накопил, когда впал в жесточайший запой. Сказать, что это был обычный запой — значит, ничего не сказать. После нескольких дней пьянки с друзьями чувак забил на покупку тачки и решил отправиться путешествовать. Поехал он в Москву,

где пропил или попросту просрал все оставшиеся деньги. Мало того, под конец поймал белочку и его отправили подлечиться по месту прописки. И вот он у нас в дурдоме, в отделении №5...

Мы познакомились ради формальности, здоровались, но говорить нам было не о чем. Так вот за два дня до выписки этот хрен завалился в мою палату и попросил сходить за сигаретами.

В дурке это в порядке вещей, не так, чтобы один заслал другого, как в общежитии, просто у одних есть разрешение выходить на улицу от главврача, а у других нет. Я сходил за куревом, отдал парню пачку крепких сигарет и сдачу. Вечером чел зашёл снова.

— Можешь в магазин сходить? — спросил он.

— Могу, не вопрос, — отвечаю, — что купить?..

— Водки надо! — подняв глаза, с надеждой произнёс чел.

— Это запрещено, здесь только курить можно.

— Не.. не. Ты в пластиковую бутылочку перельешь и пронесёшь в рукаве.

От этих слов я охренел окончательно. Бля, неужели и в дурдоме! Да сколько можно, суки.

— Ты сейчас серьёзно? — говорю. — Дурак, что ли, мне два дня до выписки осталось. Санитары заластают, даже бухнуть не успеешь!.. Не пойду и тебе не советую.

— Ладно. Считай, что мы ни о чём не говорили, — парень исчез в дверях.

Придурку надо было только в очередной раз залиться, что ж, я пожелал ему в тот момент научиться ценить время. Услышал, как хлопнула дверь блока, чувак, прихватив пластиковую бутылку, отправился за живой водой. На что он рассчитывал?.. Сложно сказать, но через одну минуту его вернул в палату санитар, ещё через пять дежурный врач уже знал об этом, а через десять парня повели в общее отделение. Он сильно волновался и просил, даже умолял санитаря дать ему возможность поговорить с главным врачом, но санитар схватил его под руку и поволок за собой, как щенка... Щёлкнул замок, двери закрылись. Мне было не жаль его. Я порадовался в душе. Ему ещё предстояло понять, осознать цену времени и цену слов. Сказанное за секунду может изменить привычный ход вещей на день, на месяц, на год, на всю оставшуюся жизнь, поэтому надо думать о словах, о том, что говоришь вслух, чтобы не пришлось впоследствии думать о времени. Теперь я знал твёрдо, у меня было много дней и ночей, чтобы догнать эту простую вещь.

* * *

Андрей Vilesik

День моей выписки был солнечным! Каким же ещё он мог быть?.. Свет проникал в палату, освещал койку, на которой лежали упакованные в пакет вещи (да, немного) и сидел я, сложив перед собой ладони в замок. Врачиха на утреннем осмотре сообщила, что я выписан и рекомендовала вычеркнуть из памяти каждый день лечения, она сказала, мол, этого со мной не было, а я, мысленно, послал её подальше.

Я не хочу отгораживаться стенами от своего прошлого — эти жёлтые стены — моё прошлое, а значит, настоящее и будущее, никуда от этого не денешься. Без прошлого нет будущего. Хотя в данном случае эта фраза звучит не очень-то здорово.

Тогда мне не довелось попрощаться ни с кем из тех, кто оставался в отделении, но я навсегда запомнил их лица. Нам не обязательно было прощаться, да это и не в правилах дурдома. Все мы обречены вернуться...

132

Записки из дурдома

Дневники

В Икарусе, на котором я ехал домой, воняло бензином, он был полон, солнце нагрело металлический корпус, было душно, скучно и беспонтово... Место мне досталось в самом конце салона, на диванчике, я упал в кресло, закинул голову назад и закрыл глаза. Обычный автобус, словно машина времени, нёсся в мою новую жизнь. Время, оставляемое позади, уже жрали огромные мохнатые комки шерсти, хранители вечности или попросту Лангольеры, созданные сумасшедшей фантазией Стивена Кинга... Что они оставляли мне?..

Да, ровным счётом, ничего... Я разговаривал с Тори. Гад говорил мне, что это не конец, это лишь начало, что предстоит вернуться и всё повторится много раз. И будет повторяться до тех пор, пока я не затаю петлю на шее. Я научился мириться с такой постановкой. Выбора у меня не было. В одном он точно был прав, теперь мне предстояло вернуться: «Было время уйти, а теперь возвратись, возврати свою старую новую жизнь!»

Приехав домой, первым делом перерыл свои общаговские вещи, которые давно вывезли родители. Сколько же барахла! А где блокноты?.. Единственное свидетельство моего сумасшествия. Их должно быть три. Два нашёл среди каких-то

133

Андрей Vilesik

коробок, третий пропал, сука, бесследно. Самый важный дневник, по количеству инфы, по её значимости. Забил на это. Начал перелистывать те, что нашёл, страница за страницей. Стихи, пропитанные каким-то детским максимализмом, зарисовки соседей, вот Андрюха Дробышев и Антоха Укроп, Надя, Оля и ещё много кто... Записи, в которых отчаяние и страх, надежда. Телефоны одноклассников, точнее одноклассниц... Катя, Король и шут Форэва, хуль. Я невольно улыбнулся и вспомнил её СМСку: «Сам ты панк! Зайти-то не мог!». Настя, зам. старосты, которая на следующий день после того, как я пил портвейн рядом с факультетом, а потом шарахался пьяный по ХГФ, сказала: «Просто это было нехорошо!» Ясен перец. Чего ж тут хорошего, когда я упал уже на крыльце и другая одноклассница Люся поднимая меня, сказала, что всем расскажет про этот инцидент, хотя говорила, конечно, в шутку, бухали-то мы вместе... и все остальные: Таня, Дина, Маша, Люба, ещё одна Маша, с очень сексуальной попойкой и всем остальным, которая искренне была уверена, что мне нравятся секс-бомбы. Тогда это звучало, как тонкий намёк на толстые обстоятельства. Ну, по большому счёту, она была права. Вырвал листок, смял и выбросил в мусор.

134

Записки из дурдома

Плеер

Тори... как было уничтожить его?.. Искренне надеялся когда-нибудь сожрать его печень, если она у него имелась в наличии, съесть печень своего врага — значит победить, приобрести тайные знания и способности, но в тот момент она была в сыром виде. Мне предстояло смахнуться с ним, со своим страхом. Когда приступ захватывал меня, я с трудом мог сосредоточиться на чём-то, не воспринимал слова, которые мне говорили, слыша лишь один голос, голос внутри меня... Со временем я научился заглушать его. На этом этапе болезни у меня появилась такая возможность, мне просто необходимо было отключиться, уснуть хотя бы на пять минут и эта сволочь затыкалась. Легко сказать, он мог прийти в любой момент, во время движения или в состоянии покоя, на работе или дома, когда я был один или разговаривал с кем-то, он был везде... Закрывал глаза — мне становилось легче... Я вырубался, заставляя себя уснуть, стоя в автобусе, везущем меня на работу, в маршрутном такси, я научился отключать мозг на такое время, которое было необходимо для достижения результата. Оставалась лишь улица. Во время ходьбы не уснёшь. Тори пользовался этим по полной программе. Моё движение превращалось в непрекращаемый бой с самим собой...

135

Андрей Vilesik

Однажды я нашёл дома свой старый плеер, включил — работает.. Вот оно — единственное, что может уравнивать наши шансы. Ну, что ж, сука. С того самого дня плеер стал частью меня, плеер и наушники-капельки, а первый раз было так. Я вышел на улицу, медленно пошёл по городу по своим обычным делам, в кармане заряженный под завязку плеер... жуковская панк-группа Депрессия. Я уже чувствовал приближение Тори, всегда чувствую его, в такие моменты краски начинают меняться, становятся темнее, пропадают цвета, больше сумбура и негатива... И вот он, гад. Нажимаю «плэй».

Всё не так, и всё не то, происходит,
Не по плану жизнь идёт, зря проходит.

Аккорды панка смешались с каким-то негативом внутри меня, и я почувствовал, как музыка противостоит сумасшествию, как она наполняет меня энергией и способностью жить дальше, жить наперекор всему.

Нет движения вперёд, есть лишь цели,
Млечный путь к звёздам на карусели.

Я ускорял шаг, люди переставали замечать моё уродство, неестественные движения рук, подёр-

Записки из дурдома

гивания головы, и чем быстрее я шёл, тем легче становилось, эта мразь не могла идти со мной в ногу, тем более она не могла догнать уходящую в никуда музыку панка.

Депрессия, аа-а, депрессия, аа-а,
депрессия внутри меня.

Было много групп и до, и после, наверно, я подсознательно пытался вернуться к той музыке, которую слушал в общаге, которую ненавидели мои соседи-гопники и любили мои самые близкие друзья. Со временем мне удался этот камбэк к своим старым кассетам. Теперь я цифровал их на пионере, нарезал на диски. Носители поменялись, а музыка осталась той же самой. Единственная группа, к которой так и не смог вернуться, была «Пилот». Больше не воспринимал её, отторгал на уровне подсознания, а ведь когда-то это была моя любимая команда.

Я стал тем, кем являлся сейчас, благодаря в первую очередь музыке Пилота и книгам Ильи Чёрта, осознание появилось, что всё в мире устроено вот так и не иначе, что ты часть чего-то большего и вообще нет такого понятия — больше/меньше, ведь нет границ ни в ту, ни в другую сторону. Человек — это вселенная, целый мир и гармо-

Андрей Vilesik

ния этого мира, в том числе психическая — масса противовесов, масса «за» и «против». Важнее, на поверку, гармония с самим собой, а не с миром, тогда в нём не будет места для Тори. Именно тогда я дал имя этому злу, чистому негативу, с тех пор он стал Тори, а я, я больше никогда не вернулся к музыке Илюхи Чёрта и группы Пилот.

Сентябрь. Осень, как абитуриентка пришла ко мне в гости с таким намёком, что надолго.

Вообще, это была самая лучшая осень моей жизни, когда я не замечал никакого умирания вокруг, наоборот, впервые за долгое время появилась перспектива, я мог вернуться, чтобы расставить все точки вместо многоточий двухгодичной давности. В начале месяца позвонил Андрюхе Дробышеву, тот был рад услышать мой голос, он жил где-то на Вагонке с девушкой, её звали Вэл. Теперь Андрюха крайне редко посещал институт, но не оставлял своих робких попыток всё-таки получить диплом. Он пригласил меня потусить в городе, на его квартире. От такого предложения я отказаться не мог. Приехал в утром на электропоезде, сел на маршрутку до Ледового дворца и через ми-

138

Записки из дурдома

нуту она везла меня куда надо. Потом минут пять пешком, я набрал Андрюху, он спустился вниз и открыл мне дверь. Мы поднялись на седьмой этаж. Лифт а-ля 90-е годы, потом парадка, какие-то запчасти от велосипеда и прочая хламина. Зашли в квартиру.

— А где Вэл? — поинтересовался я.

— Уехала к сестре в другой город, — сообщил Андрюха, — располагайся.

Прошёл в комнату, на стенах много картин маслом, много фотографий, запах приятный, как в общаге. Д. налил мне кофе и, показав на раковину, полную невымытой посуды, сказал: «Плохо без женщины». Я кивнул в ответ.

— А где Антоха? — поинтересовался.

— В общаге, где ж ему быть! Он с братьями сейчас живёт! Недавно в Чехию ездил от секции фотографов. Привёз кучу чешского шмотья, денег долганул у девчонок, которые с ним ездили, сейчас чтобы отдать устроился барменом.

Мы сгоняли до магазина. Затарились пивом и сухариками, взяли сигарет, в общем, вечер пошёл, как надо. Андрюха закурил, открыл окно на кухне и сказал:

— Надю помнишь?

— Помню, конечно.

139

Андрей Vilesik

- Она сейчас в академе.
— А что так?..
— Ну, вышла замуж она по залёту и в академ ушла.
— Да ладно?.. — не поверил я. — Ну ты ошарашил, — засмеялся.
— Да и пох. — подытожил Андрюха.

* * *

На следующий день, с утра, вызвонили Антоху. Крапоткин сказал, что в общаге и будет ждать нас. Это гут. Маршрутка с Вагонки как раз проезжала педовские общаги. Спрыгнули недалеко от «Зелёнки» и выдвинулись к нему. Антоха, по ходу, только проснулся, когда мы зашли в его комнату на втором этаже. Он доедал вчерашние макарошки, наверно, предвкушая первую утреннюю сигарету. Мы обнялись. Нас опять было трое и это, ей-богу, не случайно. Ближе к полудню ехали втроём к Андрюхе. на Вагонку. Снова затарились пивасом и куревом в магазине неподалёку. Антоха показывал свои нескончаемые фотографии из Чехии, делился впечатлениями. Говорил, мол, после учёбы мотанет жить туда или в Питер, как минимум. На что Андрюха грамотно, по-дружески, подкалывал его через слово.

140

Записки из дурдома

- Пошли, покурим! — улыбнулся Антоха.
Мы вышли на балкон, с которого открывался обалденный вид на город. Вечерело, краски менялись, такой закат я видел только на Урале и больше нигде. Ветерок приятный, тёплый, без малейшего намёка на будущую зиму... Это было прекрасно. Антоха перегнулся через перила и сказал, показывая пальцем на двух малолеток, проходящих под балконом.
— Смотри, на лбу написано — пёзды, — и плюнул вниз.
— Как определил? — засмеялся Андрюха Дробышев.
— Да тут и определять нечего.
Андрюха скрылся в комнате и через пару секунд принёс фотоаппарат с объективом огромных размеров.
— Так лучше разглядишь, — подмигнул он Антохе.
Потом направил объектив на какую-то девушку, которая прогуливалась с шавкой, навёл фокус, максимально приблизил и нажал на кнопку. Глянул то, что получилось, и констатировал: «Ничего так!».
— А ну-ка дай сюда, маленький извращенец, — засмеялся Антоха.

141

Андрей Vilesik

Я затушил окурок о перила балкона и кинул вниз на асфальт. Взял фотик у Антохи, посмотрел в объектив на вечерний город. Не видел его пару лет, успел соскучиться. Не было в моей жизни города, который бы так вдохновлял меня. Хмурая притягательность, дым предприятий. Он, как я, такой же неразговорчивый, злой, если не знать город близко, а для людей, принявших его, вернее друга было не найти. Гигант подарил им своё каменное сердце, как какой-то Данте, ёпт. Оно трепыхалось в руках, живее его не было на свете.

* * *

Через несколько дней я приехал учиться в институт на постоянку. В общаге жить не хотел, поэтому искал другие варианты и довольно быстро такой вариант нарисовался. Квартира находилась на первом этаже дома по улице Газетной. Чтобы помочь перевезти вещи я взял с собой брата, он приехал всего на пару дней. Мы обосновались на новом месте. В квартире всё было «по панк-ку» — не было кроватей, из мебели — старый советский шкаф и зеркало, унитаз с неработающим сливным бачком, обои наклеены выборочно и не

142

Записки из дурдома

езде, например, на кухне их не было вовсе, там стены были побелены довольно давно и на них виднелись жирные подтёки и грязь, мне это всё понравилось. К вечеру наконец-то дозвонился до Дробышева, он приехал на новоселье. Мы купили портвейн.

Накатили, беседа пошла теплее. Ни закуси, ни денег на неё у нас не было, поэтому пили мы просто так.

— Суки, чем вы меня напоили! — заряжал Андрюха. — Пойло какое-то... Бля, мне же ещё Вэл встречать.

* * *

Скоро будет темно. Когда наваливается темнота, пишется как-то более свободно, наверно, там, откуда берутся эти темы, темно, как в черепной коробке. Когда я один, я не боюсь приступов, меня перестаёт пугать реальность. Ведь в реальности, так есть, приговорён к пожизненному безумию. Без уколов нет нормальности, нет контроля над собой. Со временем я перестал задавать себе вопрос: есть ли жизнь без антидепрессантов, в моём случае без нейрорептиков, хотя при моей дозировке это одно и то же. Какая-то девуш-

143

Андрей Vilesik

ка, miz-jesus, в своём дневнике в ЖЖ запостила: «Есть ли жизнь без антидепрессантов?» Тогда я по-доброму позавидовал, что не я задал себе этот вопрос, в любом случае, она сделала это вместо меня, и это главный вопрос для любого психа.

Господи, слышишь ли ты?.. Почему, чтобы существовать, мне необходимо пускать себе в кровь этот яд, я чувствую, как им наполняется печень, расширяются зрачки, начинает немного подташнивать, это он проникает внутрь меня, в такие моменты кажется, что мир сужается до размеров кровати, даже этого пространства достаточно, чтобы почувствовать себя настоящим, т.е. таким, каким хочешь сам, ощущение, правда, минутное, а потом эта дрянь постепенно выбрасывается маленькими дозами, находясь в организме постоянно, всегда.

Дельфины... когда они придут за мной?.. Владимир Семёнович умер, так и не дождавшись их, а я, дождусь ли их я? Господи!..

144

Записки из дурдома

Обратно в обратно

Вот оно – утро нового дня, уже смешалось с красным дымом предприятий. Как же красиво.

Ради одного этого вида стоило не сдохнуть в психбольнице. На душе кайфово, приятная дрожь, как будто прокалывает, ища вену, игла, первый раз, второй, третий и всё мимо, пока, наконец, тело не охватывал болевой шок, а сейчас мне будто пустили под кожу радость. Шёл на факультет, у крыльца целая толпа народа, декан толкает какую-то речугу. Я встал позади всей этой движухи и включил плеер... потом прошёл вместе с остальными внутрь здания, поднялся на второй этаж, где-то в середине коридора стояли девчонки из моей бывшей группы, они были рады меня видеть, обступили, расспрашивали, но больше рассказывали сами. Зам. старосты, Настя, говорила, что, когда я пропал, они звонили мне домой, пытаясь выяснить хоть какие-то подробности. Родители ответили тогда, что я здесь больше не живу. В ответ я молча смотрел на Настю и она, видя, что правды ей не добиться, махнув рукой, сказала: «В общем, твоё дело!» На что я положительно кивнул.

Долгое время моя группа пребывала в неведении, жив я или нет, пока случайно, на занятиях

145

Андрей Vilesik

по графике, не увидели мою работу в одном из каталогов. Я пытался что-то делать, когда моё состояние ухудшилось, эта работа была последней, успел отправить её на выставку и гравюрку разместили в каталог. Я на тот момент уже был в дурке. Тогда Маша и сказала остальным: «Ну, слава богу, участвует, значит, живой!» Каталоги показал девчонкам один препод — Филиппыч, который тоже участвовал во всём этом. Кстати, надо отдать ему должное, говно он был редкостное. Позже я узнал, что Филиппыч распускал про меня слухи, мол, я выкрасил комнату в чёрный цвет, рисовал только монохромные работы, не используя цвета, и настоятельно всем советовал держаться от меня подальше, поскольку я ненормален и, возможно, опасен. В лицо же это чмо мило улыбалось и беседовало со мной о жизни. Смешно, ей богу, человек меняет окраску, как какой-то чеховский хамелеон. «Как же можно быть таким ничтожным?..» (ClockworkTimes).

Записки из дурдома

Рядом со мной

У каждого в жизни свой рай и свой ад, не тот, который будет когда-то там после смерти, а тот, который здесь, на земле. Чувствую всё, что там, после... Я и так в аду, мои ночные кошмары тому подтверждение. Каждый раз, когда возвращался в дурку на проверки, окружающее напоминало мне об этом... Я бывал в психбольнице не раз, навещал эти беленые стены, им было, точнее, есть что рассказать, только делают они это неохотно. Однажды, приехав на приём, я сидел рядом с кабинетом врачихи, двери отделения неожиданно открылись и санитар вывел парня, который ловил чертей, когда я ещё лежал в психушке, это тот из палаты №5. Взгляд его не изменился, сколько лет прошло, а он всё ещё здесь. Из разговора санитаря и врача я понял, что у бедняги флюс и его потащили в зубокабинет. Он даже не узнал меня, а я помнил его хорошо, Он не единственный, кого я встретил из бывших. Один раз я пересёкся с лунатиком из первой палаты, ему стало только хуже со временем, он уже гонял не в домашней одежде, а в синей робе, такие выдают вместе с кальсонами и футболкой иногда. Печально, а ведь когда-то он добровольно пришёл сдаваться в дурку, чтобы просто немного подлечиться. Тогда он выглядел

Андрей Vilesik

бодро, рассказывал про жену и сетовал на то, что от уколов все вены синие... Ещё я видел на улице, рядом с отделением, мужика, с которым лежал в третьей палате, раньше он смешным казался, шоркал по отделению женскими шлёпанцами, а сейчас подошёл и попросил немного мелочи. Я протянул ему деньги. На что он благодарно сказал, уходя: «Спаси нас бог!» Смотрел на своих старых знакомых, кто-то же должен нас увидеть, если не бог, так хоть кто-то... пусть увидят, прочтут другие люди, пусть они помолятся за наши пропавшие души и тем самым, может быть, спасут свою собственную. Вопрос возвращения в дурдом — это лишь вопрос времени. Попав сюда однажды, надо быть готовым, что всё повторится, сумасшествие вернётся через год, через десять лет, но вернётся и каждый следующий раз будет более тяжёлым. Это неизлечимо в принципе, в молодости есть шанс выкарабкаться на длительный срок, как это получилось у меня, с возрастом шансов будет меньше, а в старости они равны нулю.

* * *

Можно жить как угодно, быть кем угодно, главное — не быть гнидой! — так мне сказал

148

Записки из дурдома

сегодня Тори, едва я открыл свой дневник на Liveinternet. Просто в голове всплыло, чётко, разборчиво, как всегда. И хотя он мой самый страшный враг, я согласился на все сто процентов. Это мой соавтор, никак не меньше, а значит, вправе сказать своё веское слово, вот оно, получайте: «Давай я напишу! — сказал он. — Значит так. Пофиг. Это было... Зачем это писать? Псих... Скорей записать надо. Гад просто. Панк. Я не буду с тобой... помогать в этом. Хорошо. Ты больной. Он не писатель, он гнида. Падла. Пиши... пиши... Соавтором меня возьмёте?.. Панк просто. Ты понял меня. Вас убивать надо. Слышишь, нет?.. Не надо печатать. Ты хочешь домой?.. К маме?.. Придётся писать. Пофиг. Пофиг мне! Ты хочешь, чтоб всё повторилось?.. Ну ладно, пиши, давай. Пойду покурю. Гнида. Вот и всё. В больницу надо. Будешь дальше писать — убьют тебя! Какой счёт?.. Он псих, кстати! Я написал! Пофиг на это. Если вы, мрази, панки, найдётесь, то мы с Лёхой будем дальше мыкать вас. Ты больной. Болен я. Поэтому иди прочь!.. Какой счёт?.. Это всё из-за девушки! Я не сужу. Я контролирую. Вот и всё письмо. Не излечишься...»

Добавить мне нечего... Все намного реальней, чем кажется!

149

Андрей Vilesik

Этому посту позавидовал бы даже мой лечащий врач, если бы прочитал, осталось только поставить точку, хотя нет, многоточие, многоточие...

Бывают моменты, когда действительно чувствуешь себя Вилесиком — человеком, способным противостоять враждебным обстоятельствам. Возможно — это тот настоящий я, который готов отвечать за свои слова, свои поступки, не просто отвечать, а если надо и умереть, способный бороться, огреть по полной и побеждать в этой игре. Что наша жизнь — игра и прикольно, когда на кону что-то стоящее, твоё здоровье, а ещё круче, если жизнь, ну, или как минимум свести эту игру вничью. Может настоящий я — это Тори, злой и жестокий маньяк, садист, людоед, готовый уничтожить весь этот несовершенный мирок, уничтожить себя вместе с ним, готовый загнуть любого, кто попытается встать у него на пути, приходит на ум фраза из песни СWT: «...а я пойду и вые*у весь мир». Возможно всё это так. Звучит красиво, но это неправда. Правда, да, правда в том, что настоящий я — это Андрей, Ан-

150

Записки из дурдома

дрюха, Андрюша — тот парень, который когда-то был на первых ролях в этой истории.

Так вот бывают моменты, когда пытаюсь представить, как бы сложилась моя жизнь, если бы всё пошло по другому сценарию с самого начала, день за днём. Заселили бы меня не в 501, а куда-нибудь в 408, как Антоху Крапоткина. Соседи золотые. Был случай, когда один из них, Пискарь — по пьяни и старой привычке пытался заслать Антоху за пивом. Так ему свои же потом и вломили, когда узнали, и заставили извиняться. Ещё раньше на летних курсах я переспал бы с той девчонкой, Ольгой, Надя стала бы моей девушкой, а потом и женой. Вот и вся тема, может быть с несколькими оговорками. Тема, которую даже друзьям не расскажешь, поскольку нет в ней ничего примечательного. «...Вот оно — унылое говно» (Вася Обломов), а я видел многое, свободу в несвободе и наоборот, я видел людей, которые достойны того, чтобы о них написали пару-тройку строк. И когда приходит понимание, расклад именно такой, думаю, если бы был шанс всё начать сначала, исправить, даже зная последствия, я, скорее всего, ничего делать бы ни стал. «Вот и всё. Ну и что?» (Noize MC) Если верить Нойзу, то это и есть настоящая рок-н-рольная философия.

151

Андрей Vilesik

От себя добавлю, жизнь такова. Кто виноват, что моя — это трэш, трэш не от слова «мусор», а от слова «молотить»? Главное не сдохнуть и не сойти с ума раньше времени. Жить быстро, а умирать молодым — нафиг надо, простите меня за повтор.

Тебе дали под дых. Ты сделай вид, что тебе больно. Заплачь, встань на колени. Моли о пощаде. И когда враг расслабится, резко вскочи на ноги. Напади сзади, если получится. Заставь его жрать свою собственную кровь с грязью, вот такая жизнь, и это уже моя философия... главное — не сдавайся.

— Коля, Коля, Николай! Сиди дома не гуляй! — так думаю я про себя, присаживаясь на кушетку напротив старого знакомого, седого человека со слегка придурковатым лицом.

Этот дядька просто так сидеть не будет, тем более, дом его — дурка и торчать в первой палате — удовольствие на большого любителя. Коля весь день бегаёт по каким-то делам и возвращается в психушку только вечером, у него свободный выход.

— Здравствуйте! — я улыбаюсь.

152

Записки из дурдома

— Здравствуй, здравствуй! — кивает в ответ Коля.

— Помните меня?

— Конечно, помню, помню.

— Много воды утекло, восемь лет.

— Восемь? А мне казалось, что тебя всего года три не было, — удивляется.

— Много новых лиц здесь появилось. А где Таракан?

— Умер... года четыре назад. Набил полный рот хлеба и задохнулся. Его пытались спасти, но не смогли. Страшная смерть, — Коля перекрестился и, немного помолчав, добавил, — Илья Сергеев тоже умер, от рака. Курил безбожно.

— А Нищий? — спросил я.

— Перевели в другое место. Недавно в области выстроили новый пансионат для таких, как он, неизлечимых. Туда Нищего перевели... навсегда, видимо.

Я молча кивнул. Потом мы ещё немного помолчали. Чтобы прервать паузу, Коля вдруг произнёс: «А с нами ничего не происходит, и вряд ли что-нибудь произойдёт».

153

Андрей Vilesik

Один дедок провёл в дурке много лет. Старость — не радость, а в психушке — это ад, потом его выписали, как безнадёжного, короче. Когда повезли умирать, спрашивают у деда:

— Какое твоё последнее желание?

— Бутерброд с колбасой и бабу, — отвечает старик. Так этот неизвестный мне философ скомпилировал всю радость жизни, её суть, в нескольких словах, рецепт оказался простой как дважды два — четыре.

Вот так же в этой книге я всё время кручусь вокруг да около, а суть, кажется, вот она, лишь руку протяни, на поверхности, среди гор словесного мусора, жести, пыли и праха.

154

Записки из дурдома

Я мог бы ещё многое написать, но пора торозить, чувствую. Это всего-навсего эпизод жизни психов пятого отделения, не надо переоценивать, только мне думается, что общие черты есть: много стен, много решёток, через которые на мир смотрят люди, смотрят с отчаянием обречённых на вечное безумие и какой-то непонятной надеждой, бредовой надеждой, что придут дельфины, разрушат стены, сломают металлические прутья и освободят их...

Дельфины... Я знаю, что жизнь — это трэш, и когда он закончится, придёт пора умирать, а закончится он лишь с остановкой сердца, но я также знаю, что мне ещё далеко до финала. Поэтому я буду продолжать трэшить, сходить с ума, плакать и смеяться над самим собой и окружающим. Хочется сохранить рассудок хотя бы временно... ради этих строк, которые расскажут людям обо мне и таких, как я. Нас много! Необходимо лишь чуток времени. Изменить или приукрасить что-то в повествовании нельзя, нельзя допустить обмана, люди заметят, почувствуют, а значит, не поверят, не поймут — самое страшное.

155

Андрей Vilesik

Иногда я мысленно возвращаюсь в жёлтые стены пятого отделения, поздно, когда уже темно на улице, не могу уснуть, не могу успокоить мозг, закрываю глаза и попадаю в начало коридора, слышу голоса людей, с которыми свела меня там судьба. Вот они — бедолаги, по воле случая оказавшиеся в этом проклятом месте.

В психушке, в один из приступов, исходя слезами и соплями, я мысленно пообещал своему Тори, что когда выйду из жёлтых стен, когда затихнут ломки и голоса, я напишу книгу. И будет она не о дурдоме, а об обычных людях, таких же, как все, это будет книга о них и обо мне. И ещё пообещал, что ни одним словом не солгу в ней...

А ещё раньше, перед тем, как лечь в дурку, меня возили к бабке-целительнице, которая сказала мне: плохие твои дела. Сказать никому нельзя. Видишь, враг выплыл (и показала восковые разводы на воде). Хоть кому-нибудь скажи. Я не рассказывал об этом ни единому человеку, даже близкому, в устном разговоре, в течение многих лет, теперь вот рассказал вам.

Всё это правда... обо мне и тех, с кем свела меня судьба, пусть субъективная, однобокая, но всё таки правда, а за неё, без лажи, и умереть не

Записки из дурдома

жалко... Тори тогда смеялся и говорил, что не верит мне, а я верил всегда, верил и оставался собой.

Содержание

Вместо предисловия	3
Общага	10
Гопники.....	12
PunksNotDead!!!	16
Надя.....	22
Трэш	32
Дурка	40
Таракан.....	51
Тихий	53
Палата №5.....	56
Нищий	61
Девушка в халате.....	64
Сон	67
Володя	68
Обычное утро.....	72
Часик.....	75
Двуликий янус	77
DEATH.....	80
Слепой	84

Лёня.....	88
Пасха	92
Бред	100
Очередь	106
Дневники	128
Плеер.....	131
Обратно в обратно	140
Рядом со мной	142

Андрей Vilesik

Выходные данные

